

Кира Резник

ПОСЛЕДНИЙ ВХОД

КРУТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

ПРОВЕРКА ЛИЧНОСТИ

ID: 772-19-AC

- ФИО
- ДАТА РОЖДЕНИЯ
- ДОКУМЕНТ
- БИОМЕТРИЯ
- АДРЕС

СТАТУС: НА ПРОВЕРКЕ

ЗАПРОС
НА ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

- ЛИЧНОСТЬ
- АДРЕС
- ПОЛНОМОЧИЯ
- ИСТОРИЯ ДЕЙСТВИЙ

ОЖИДАЕТ
ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

ВНЕСЕНИЕ ДАННЫХ

68%

ДЕЛО №

2026-08-CP

КАТЕГОРИЯ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ

УРОВЕНЬ ДОПУСКА: 8

ПРИМЕЧАНИЕ:

ДАННЫЕ НЕ ПОЛНОСТЬЮ
ПОДТВЕРЖДЕНЫ

человек = подтверждение
подтверждение = доступ

УРОВЕНЬ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

72%

ДАННЫЕ НЕ ПОЛНЫ

АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ:
СБОР ПОДТВЕРЖДЕНИЙ

- БАНКОВСКИЕ ЗАПИСИ
- ГОС. РЕЕСТРЫ
- СЕМЕЙСТВА
- ПЕРЕКРЕСТНАЯ ПРОВЕРКА

Осталось: 02

ФОРМА ПП-26

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

ФИО ██████████
ДАТА РОЖД. ██████████
ДОКУМЕНТ ██████████
ВЫДАН ██████████

ПОДПИСЬ: *Смирнов*

ПРОВЕРКА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Книга 8

Кира Резник

Круг подтверждения

«Автор»

2026

Резник К.

Круг подтверждения / К. Резник — «Автор», 2026

После ручной зачистки прошло двадцать шесть дней. Надя Климова получает новый статус: свидетель неустойчив, круг подтверждения активен. К ней приходит Ася Мальцева с невозможной просьбой: доказать, что ее живой брат Егор - это он сам. Егор лежит в больнице, говорит обрывками и знает семейные детали, но мать, бывшая жена, врач, сосед, работодатель, банк и цифровые сервисы уже подтвердили обратное. Каждый сказал не совсем ложь. И именно поэтому версия держится. В новом деле Наде придется спорить не с одной подделкой, а с правдой, разложенной по чужим людям. Подпись, старая характеристика, медицинская отметка, домовый чат, доверенное устройство и честный ответ близкого человека могут стать оружием. Система больше не пишет человека напрямую. Она собирает его из подтверждений. Человека можно уничтожить не ложью. Его можно уничтожить правдой, собранной без любви.

© Резник К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Двадцать шесть дней	5
Глава 2. Вы не входите	9
Глава 3. Отделение без имени	14
Глава 4. Внешний подтверждающий	20
Глава 5. Только факты	24
Глава 6. Бумага, чтобы не посадили	28
Глава 7. Старый номер	33
Глава 8. Тамара Львовна	39
Глава 9. Два листа	44
Глава 10. Мы давно замечали	48
Глава 11. Удалённое	52
Глава 12. Лида	56
Глава 13. От кого	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кира Резник

Круг подтверждения

Глава 1. Двадцать шесть дней

После ручной зачистки прошло двадцать шесть дней.

Надя считала не потому, что любила даты. Даты любили её сами. Они липли к делам, к телам, к звонкам в три ночи, к чужим последним входам, к бумажным протоколам, где человеческая жизнь сжималась до строки, подписи и места для печати. Двадцать шесть дней - достаточно, чтобы город сделал вид, будто ничего не случилось. Недостаточно, чтобы люди перестали просыпаться от короткого звука уведомления и проверять, не пришло ли новое слово от тех, кто уже должен был молчать.

Осень в Петербурге включилась без предупреждения. Листья у входа в контору «Последний вход» лежали мокрой тёмной массой, будто дворник с утра не убирал, а только перемешивал их лопатой, чтобы грязь равномернее прилипла к обуви. В подъезде пахло сырой краской, аптечным пластиком из соседней стоматологии и перегретым проводом. Батареи в доме ещё не дали нормально, но трубы уже пару раз пробовали ожить, щёлкали по ночам и снова стыли.

Надя пришла раньше обычного. Ключ повернулся туго. На красной бирке, которую она всё ещё не сняла с кольца, проступила старая трещина. Бирка была чужая и слишком живая для предмета. Костя когда-то держал такой ключ в руке с видом человека, который очень хочет спасти и не понимает, что уже открывает дверь не туда.

В офисе было темно. Морозов вчера ушёл последним и, как всегда, выключил всё, кроме маленького сетевого фильтра под его столом. Красная лампочка светила в углу, ровно и упрямо. Надя поставила сумку на стул, не раздеваясь, сняла с подоконника бумажный стаканчик, оставшийся от Риты, посмотрела внутрь и выкинула в корзину. В стаканчике было два засохших следа губной помады и какой-то серый осадок, который Рита назвала бы кратко и непечатно.

На рабочем столе лежала тонкая папка без подписи.

Надя остановилась.

Папка была не вчерашняя. Она помнила, как оставляла стол пустым. Пустой стол после ручной зачистки был её маленькой тупой победой: ни коробок, ни хранилищ, ни чужих подписей, ни тел, которые спорят с документами. Просто стол. Дерево с царапинами. Лампа. Чашка. Ничего.

Теперь на столе лежала папка.

Не толстая, не архивная, не ведомственная. Обычная серая папка из дешёвого картона, с белой наклейкой в правом верхнем углу. На наклейке было напечатано:

Климова Н. А.

Свидетель: неустойчива.

Круг подтверждения: активен.

Надя не сразу взяла её в руки. Сначала сняла куртку. Повесила на спинку стула. Потом включила лампу. Потом достала телефон и посмотрела на время, будто от времени зависело, станет ли надпись менее реальной.

Восемь сорок одна.

Внизу во дворе кто-то ругался с курьером. Голоса поднимались и падали, мокрые, злые, одинаковые. Где-то хлопнула дверь машины. Потом всё снова ушло в осенний шум.

Надя раскрыла папку.

Внутри было три листа.

Первый - распечатка внутреннего статуса. Без герба, без номера дела, без нормального источника. Таких листов в официальном мире не существовало. В неофициальном они существовали слишком часто.

Климова Надежда Александровна.

Статус: нестабильный свидетель.

Оценка самостоятельной достоверности: снижена.

Необходимость внешнего подтверждения: высокая.

Круг подтверждения: активен.

Ниже шли фамилии. Не все открыты. Часть скрыта серыми прямоугольниками, как будто кто-то распечатал уже отредактированный файл.

Лазарев П. И. - внешний подтверждающий, процессуальная значимость высокая.

Суханов И. М. - служебная характеристика, исторический контекст.

Корнеева Р. В. - экспертная связь, свидетельская нагрузка.

К. - бывший доверенный контакт.

...

Надя дочитала до буквы «К.» и закрыла папку.

- Да пошли вы, - сказала она тихо.

Фраза вышла не злой. Усталой. Как будто она сказала её не живым людям, а отоплению, которое опять не включили.

Телефон на столе дрогнул. Незнакомый номер.

Надя смотрела на экран, пока звонок не оборвался. Через семь секунд номер позвонил снова. Так звонили не рекламщики. Рекламщики были настойчивее или тупее. Этот человек звонил второй раз, потому что первый мог быть случайностью, а второй уже требовал решения.

Надя приняла вызов.

- Климова.

На той стороне несколько секунд молчали. В этом молчании было не слабость и не театральная пауза. Человек собирал речь как коробку, которую нельзя уронить.

- Надежда Александровна? Меня зовут Ася Мальцева. Мне дали ваш номер.

- Кто дал?

- Рита Викторовна Корнеева.

Надя подняла глаза на серую папку.

- Рита сейчас людям мой номер не даёт. Она людям сначала угрожает.

- Она сказала, что вы, скорее всего, пошлёте меня. И что если я переживу первые пять минут, можно будет говорить дальше.

Надя молчала.

Голос у женщины был сухой, ровный, с аккуратными согласными. Не дрожал. Так говорили люди, которые уже навелись не один раз и теперь держали лицо не ради красоты, а чтобы не развалиться при постороннем.

- Что у вас? - спросила Надя.

- Мой брат жив.

Надя закрыла глаза на секунду. Чужие братья, живые и мёртвые, редко приходили без плохого хвоста.

- Где он?

- В больнице. В отделении без имени.

- Без какого имени?

- Без его. По документам он не он.

Надя взяла ручку. На первом чистом листе блокнота написала: Ася Мальцева. Брат. Больница. Не подтверждён.

- Формально кто?

- Мужчина, личность со слов не подтверждена.

- Почему вы решили, что это ваш брат?

На той стороне снова появилась пауза. В этот раз в ней была злость.

- Потому что это мой брат.

- Это не ответ.

- Он знает, как мы в детстве называли коробку с ёлочными игрушками. Он знает, где у меня шрам. Он знает, что мама прятала деньги в банке с перловкой, хотя все думали, что с гречкой. Он знает, что Егор в пятнадцать лет сломал палец не на тренировке, а когда полез через окно к соседке кормить её кота. Он знает, как умер наш отец. Он знает слишком много. Но мне сказали, что это не считается.

- Кто сказал?

- Все.

Надя положила ручку.

- Что значит «все»?

- Мать. Бывшая жена. врач. сосед. участковый. его бывшая работа. банк. какие-то цифровые подтверждения. Сервисы. Я не знаю, как правильно. Все подтвердили, что это не Егор Мальцев.

- А вы?

- Я подтвердила, что это он.

- И?

- Мне сказали: «Вы не входите в круг подтверждения».

Надя медленно повернула серую папку так, чтобы снова видеть строку на наклейке.

Круг подтверждения: активен.

В офисе стало очень тихо. Даже фильтр под столом Морозова будто перестал зудеть.

- Вы где сейчас? - спросила Надя.

- Внизу. У вашего подъезда.

- Быстро вы.

- Я сначала приехала, потом позвонила. Если бы вы отказали по телефону, я бы поднялась всё равно.

Надя почти улыбнулась. Почти.

- Наглая.

- Да.

- Это иногда помогает. Поднимайтесь.

Она отключилась и посмотрела на второй лист в папке.

Там была всего одна строка.

Запросы внешнего подтверждения направлены.

Надя не стала читать третий лист. Закрывает папку, отодвинула её на край стола и открыла окно. В комнату вошёл сырой воздух, запах мокрого линолеума из подъезда и ранняя осенняя темнота, которая в Петербурге умела приходиться даже утром.

Через минуту на лестнице послышались шаги.

Женщина поднялась без лифта.

Значит, боялась застрять.

Надя отметила это машинально и тут же разозлилась на себя. Круг подтверждения начался именно так. С маленькой правды, которую кто-то уже готов поставить в чужую строку.

Дверь скрипнула.

На пороге стояла Ася Мальцева.

Тридцать с небольшим. Тёмные волосы убраны низко, без попытки сделать красиво. Лицо сухое, бледное, с красными прожилками в глазах. Куртка застёгнута неровно, на левом

рукаве засохшая грязь, будто она где-то прислонялась к стене. В руках - пластиковая папка на кнопке, набитая бумагами так, что кнопка уже не держала.

- Мой брат жив, - сказала Ася вместо приветствия.

Надя отошла от двери.

- Проходите.

Ася вошла, поставила папку на край стола и только тогда расстегнула куртку.

- Но все подтвердили, что он не он.

Надя посмотрела на серую папку без подписи. Потом на Асю.

- Тогда начнём с тех, кто сказал правду.

Ася не поняла.

- Что?

- Ложь обычно торопится. Правда сидит дольше. Начнём с тех, кто сказал правду, и посмотрим, кто её сложил.

За окном дворник тянул лопату по мокрым листьям. Звук был такой, будто кто-то скребёт по старой плёнке, пытаясь стереть запись, но только делает её громче.

Глава 2. Вы не входите

Ася Мальцева раскладывала документы ровно.

Не нервно, не суетливо, не женской аккуратностью из привычки держать стол чистым. Она раскладывала их так, будто каждый лист мог взорваться, если положить его не той стороной. Выписки отдельно. Копии заявлений отдельно. Скриншоты на дешёвой бумаге отдельно. Чеки, талончики, пропуска, фотографии - в прозрачном файле с треснувшим краем.

Надя не торопила.

У людей, которые приходят с невозможной просьбой, есть две стадии. Сначала они требуют немедленного чуда. Потом начинают доказывать, что заслужили право на чудо, и тонут в деталях. Если перебить рано, они обидятся. Если дать утонуть, принесут половину чужой жизни в виде мусора. Нужно было дождаться, когда рука сама остановится на важном.

Рука Аси остановилась на больничной выписке.

Лист был серый от копирования. Внизу съехала печать. Бумагу явно таскали в сумке без папки, потом гладили ладонью, потом снова мяли.

Надя взяла лист.

Мужчина, ориентировочно 35-40 лет. Доставлен бригадой скорой помощи с территории промышленно-складского комплекса на Кондратьевском. Документов при себе не имел. Со слов называет себя Мальцевым Егором Сергеевичем, 1990 года рождения. Личность со слов не подтверждена. Родственники факт родства не подтвердили.

- Родственники? - Надя подняла глаза.

- Мать, - сказала Ася. - И бывшая жена.

- А вы кто?

Ася посмотрела на неё странно. Не обиженно. Так смотрят на врача, который спрашивает, где болит, когда из человека торчит нож.

- Сестра.

- По документам?

- По документам тоже.

- Тогда почему не родственница?

Ася достала ещё один лист. На этот раз распечатка была цветная, с красной полосой уведомления наверху.

Заявитель Мальцева А. С. не входит в актуальный круг подтверждения по субъекту Мальцев Е. С. Сведения могут быть учтены как дополнительные, но не являются достаточными для первичной идентификации.

Надя прочитала дважды.

- Какая милая дрянь, - сказала она.

Ася моргнула.

- Что это значит?

- Значит, вас не выкинули совсем. Вас положили в коробку «может быть потом». Так удобнее. Человек не враг, не лжец, не сумасшедшая сестра. Просто недостаточный источник.

- Я его сестра.

- Для вас - да. Для них вы источник, который не входит.

Ася сжала губы. В этот раз рука у неё дрогнула.

- Я принесла свидетельства. Наши с ним. Свидетельство о рождении. Копии паспортов.

У нас отец один, мать одна. Всё есть.

- Это подтверждает родство. Не подтверждает, что мужчина в отделении - ваш брат.

- Он знает семейные вещи.

- Они скажут, что он мог узнать. Или вы ему сказали. Или вы эмоционально вовлечены. Или хотите получить доступ к его имуществу. Или боитесь признать, что он не тот.

- Я не боюсь.

Надя посмотрела на неё.

- Боитесь. И правильно делаете.

Ася опустила глаза.

На столе рядом с выпиской лежала фотография. Маленькая, распечатанная из телефона. Двое под мокрым шатром на каком-то корпоративном выезде. Мужчина лет тридцати пяти, худой, высокий, с рукой в кармане чужой куртки. Женщина постарше держит пластиковый стакан и улыбается в сторону, будто её позвали. За ними стол с одноразовой посудой, резиновый коврик, серое небо и баннер, на котором можно было разобрать только кусок слова: «подтверж...».

- Это он? - спросила Надя.

- Да. Егор. Три года назад. Выезд отдела. Это Тамара Львовна Снегирёва, она работала с ним. Или рядом с ним. Я точно не знаю должность. В восстановлении документов, социальных картах, временных регистрациях. Мама называла её «эта женщина с бумажками».

- Тамара Львовна сейчас где?

- Не отвечает.

- Давно?

- Со вчерашнего вечера.

Надя положила фотографию отдельно.

- Почему она важна?

Ася замялась.

Вот.

Рука дошла до важного.

- Она мне позвонила. Сказала, что Егору нельзя оставаться в отделении без статуса. Сказала, что есть список.

- Какой список?

- Тех, кто подтверждал. Или кого просили подтвердить. Я не поняла. Она говорила быстро. Шепотом. Потом сказала: «Не тащите это в полицию. Там уже всё красиво». И отключилась.

- Запись есть?

- Нет.

- Почему?

- Потому что я дура.

- Это не процессуальная категория.

- Потому что телефон был на двух процентах. Потому что я в этот момент стояла у регистратуры, где мне объясняли, что я никто. Потому что я подумала, что перезвоню из дома. Потому что, когда у тебя живого брата делают чужим человеком, ты не всегда ведёшь себя как сотрудник ФСБ.

Надя кивнула.

- Уже лучше.

- Что лучше?

- Злость появилась. С ней удобнее работать, чем с правильной речью.

Ася усмехнулась коротко и плохо.

- Я переводчик технической документации. У меня правильная речь - профессиональная травма.

- Что переводите?

- Инструкции, регламенты, руководства. Как собрать устройство, как не убится при сборке устройства, как производитель снимает с себя ответственность, если вы всё равно убились.

- Полезная профессия для этой истории.

- Я уже заметила.

Надя взяла следующий лист.

Заявление матери. Мальцева Ирина Петровна. Подпись дрожащая, но настоящая на вид. Текст сухой, слишком грамотный для усталой женщины, которой в больнице только что показали травмированного сына.

Сообщаю, что мужчина, находящийся в отделении..., моим сыном Мальцевым Егором Сергеевичем не является. В случае необходимости прошу обеспечить ему медицинское наблюдение и не допускать самостоятельного распоряжения документами до установления личности компетентными органами.

- Мать сама это писала?

- Нет. Ей дали. Она подписала.

- Почему?

Ася отвела взгляд к окну.

- Ей сказали, что если она подтвердит его как Егора, его сразу заберут по старому делу. Или по новым операциям. Я не знаю. Ей сказали, что пока он «не подтверждён», его можно оставить под наблюдением, лечить, не отдавать полиции, не давать тем людям. Она решила, что подписывает бумагу, чтобы его не посадили.

Надя молчала.

В коридоре хлопнула дверь соседней конторы. Кто-то потянул носом, кашлянул, сказал: «Да я тебе отправил, обновил». Мир продолжал жить своим тупым офисным утром.

- Она не отказалась от него, - сказала Ася. - Она пыталась его спасти.

- Бумага говорит иначе.

Ася посмотрела резко.

- Бумага тогда спасала его.

- А теперь убивает.

Тишина стала плотнее.

Ася будто хотела сказать что-то резкое, но проглотила. Надя видела, как у неё двигается горло.

- Вы тоже так делаете, - сказала Ася тихо.

- Что?

- Берёте фразу и отрезаете от неё всё остальное.

Надя не ответила сразу.

Хорошая девочка. Злая. Умная. Неприятная. Не клиент, а будущая проблема.

- Да, - сказала Надя. - Делаю. Иногда по-другому не достать правду.

- А иногда так её и ломают.

Надя чуть отодвинула заявление матери.

- Поэтому вы пришли ко мне, а не в красивую юридическую фирму. Я хотя бы знаю, где у меня грязь.

Ася сжала пальцы на краю стола.

- Есть ещё одна бумага.

- Показывайте.

- Она моя.

Надя посмотрела на неё внимательнее.

Ася достала лист не из общей стопки, а из внутреннего кармана папки. Сложенный вчетверо. Разворачивала медленно, не глядя.

Это была копия старого объяснения. Дата - полтора года назад.

Я, Мальцева Анна Сергеевна, сообщаю, что мой брат Мальцев Егор Сергеевич в течение последнего времени не поддерживает устойчивой связи с семьёй, может представлять риск при самостоятельном распоряжении документами и нуждается во внешнем сопровождении при решении социальных и финансовых вопросов. Сведения сообщены со слов родственницы.

Подпись Аси была ровная. Тогда у неё ещё была рука человека, который верит, что подписывает временную помощь.

- Анна? - спросила Надя.

- По паспорту Анна. Все зовут Асей.

- Кто вам дал подписать?

- Егор тогда пропал на девять дней. Потом нашёлся у знакомого на окраине. Без паспорта, с чужим телефоном, с какими-то долгами, ничего не объяснял. Я думала, он сорвался. Или его втянули. Мне сказали: нужна бумага, чтобы ограничить доступ, помочь восстановить документы, поставить сопровождение. Чтобы его не развели ещё раз.

- Кто сказал?

- Женщина из отдела. Не Волкова. Я тогда фамилию не запомнила. Возможно, Снегирёва. Возможно, нет.

Надя положила лист рядом с заявлением матери.

Два камня. Один материнский. Один сестринский. Оба настоящие.

- Я не предавала его, - сказала Ася.

- Я пока этого не говорила.

- Но вы подумали.

- Я подумала хуже. Я подумала, что круг начали собирать давно.

Ася закрыла лицо ладонью на одну секунду. Потом убрала руку.

- Можете доказать, что он - это он?

- Нет.

Ася замерла.

- Тогда зачем вы...

- Я могу попробовать доказать, что версия «он не он» собрана неправильно. Это разные вещи.

- Мне нужна не философия.

- Это не философия. Это способ не проиграть в первой комнате. Если вы придёте и скажете: «Он мой брат, потому что я чувствую», вас запишут в эмоционально зависимые. Если принесёте документы о родстве, скажут, что они не относятся к мужчине в отделении. Если начнёте кричать, подтвердите нестабильность. Если будете молчать, подтвердите отсутствие возражений.

- И что делать?

Надя взяла фотографию со Снегирёвой и поставила на неё палец.

- Искать узел, где правда сменила хозяина.

Телефон Аси на столе загорелся. Она вздрогнула так, будто ей на кожу капнули кипятком.

Номер был скрыт.

Надя кивнула на телефон.

- Включите громкую.

Ася нажала.

- Анна Сергеевна? - Женский голос был мягкий, спокойный, с лёгкой улыбкой в согласных. - Доброе утро. Елена Аркадьевна Волкова, служба внешней верификации. Вам удобно сейчас говорить?

Ася побледнела.

Надя взяла с её стороны стола ручку и пододвинула к себе блокнот.

- Нет, - сказала Ася после короткой паузы. - Неудобно.

- Понимаю. Разговор непростой. Мы не просим вас принимать решение прямо сейчас. Нам важно только уточнить вашу позицию, чтобы защитить вас от возможной ответственности за дальнейшие действия мужчины, которого вы называете братом.

Надя записала: не брат - мужчина, которого вы называете.

- Он мой брат.

- Я понимаю, что вы так воспринимаете ситуацию. Именно поэтому важно отделить привязанность от подтверждённых сведений. Мы не фиксируем отказ. Мы фиксируем, что вы не можете объективно оценивать его состояние.

Ася посмотрела на Надю.

У Нади внутри что-то холодно щёлкнуло.

Вот она.

Не угроза. Не приказ. Не давление в привычном виде. Ладонь на плечо, которая уже считает твоё сопротивление симптомом.

- Анна Сергеевна, - продолжила Волкова. - Мы просто хотим, чтобы вы подтвердили только то, что действительно было. Ваш брат ранее пропадал? Терял документы? Передавал третьим лицам доступ к своим данным? Создавал риски для себя и близких?

Ася молчала.

Волкова не торопила. Она умела ждать. Умела дать человеку почувствовать, что он сам выбирает честность.

Надя потянулась к телефону и выключила громкую связь.

- Алло? - голос Волковой стал тоньше.

Надя поднесла аппарат к себе.

- Елена Аркадьевна, это Климова.

На той стороне не удивились.

- Надежда Александровна. Значит, Анна Сергеевна уже у вас.

- Значит.

- Хорошо. Тогда я попрошу вас не усиливать её эмоциональное вовлечение.

- А я попрошу вас не совать руки в чужую родню до обеда. Все равно день длинный.

Волкова тихо вдохнула. Почти улыбнулась.

- Мы с вами обязательно поговорим.

- Не сомневаюсь.

- Ложь плохо держится, Надежда Александровна. А вот правда, правильно разложенная по людям, держится годами.

Связь оборвалась.

Ася смотрела на телефон, как на маленькое животное, которое только что укусило её и снова притворилось пластиком.

Надя вернула аппарат.

- Теперь вы мне верите? - спросила Ася.

Надя посмотрела на две подписи: матери и сестры.

- Теперь я верю, что вас уже используют.

На подоконнике лежал мокрый лист, занесённый ветром через открытое окно. Он прилип к белой краске прожилками вниз, будто кто-то оставил отпечаток ладони.

Глава 3. Отделение без имени

Больничный корпус стоял за мокрым забором, который давно надо было красить, но краска держалась упрямо, кусками, как старая кожа на ожоге. На проходной пахло бахилами, дешёвым антисептиком и горячим пластиком от маленького обогревателя под столом охранника. Охранник ел бутерброд над газетой и делал вид, что не видит людей, пока они сами не мешали ему жить.

Ася показала паспорт. Надя - удостоверение частного детектива, которое в таких местах работало хуже уверенного лица, но лучше пустых рук.

- К кому? - спросил охранник.

- В отделение, где мужчина без подтверждённой личности, - сказала Надя.

Охранник поднял глаза.

- Вы из этих?

- Из каких?

- Которые уже третий день ходят.

- Смотря кто ходит.

- Всякие. С бумажками.

- Мы тоже с бумажками.

- Заметно.

Он позвонил куда-то, сказал: «К мужику без имени две пришли», послушал, поморщился и махнул рукой.

- Третий этаж. Только недолго. Там врач злой.

- Врачи не злые, - сказала Надя. - Они экономят жалость.

Охранник впервые посмотрел на неё почти с уважением.

В коридоре третьего этажа было жарко. Батареи здесь работали так, будто хотели отомстить всем остальным домам района за холод. На стенах висели выцветшие плакаты о профилактике инсульта, клещи на рисунках были похожи на маленькие чёрные пятна в чужой судьбе. Из палаты напротив доносился телевизор: кто-то бодро обсуждал, как правильно хранить сезонные овощи. Под этим голосом люди кашляли, шуршали пакетами, звали медсестру и пытались не быть телами.

Врач нашёлся в ординаторской. Лет сорок пять, выбрит плохо, халат накинут на свитер, под глазами тёмные мешки. На бейдже: Громов С. В.

- По Мальцеву? - спросил он, не приглашая сесть.

- По мужчине, который называет себя Мальцевым, - сказала Надя.

Громов чуть скосил взгляд.

- Уже поняли формулировку.

- Нас быстро учат.

- Я лечу, а не устанавливаю личности.

- Тогда скажите как врач.

- Как врач он живой, травмированный, местами дезориентированный, с ушибами, старым истощением, признаками перенесённого сильного стресса и очень плохим отношением к вопросам. Как не врач - он задрал уже весь этаж, потому что на каждый вопрос отвечает так, будто мы тут комиссия по уничтожению человечества.

Ася впервые за дорогу чуть ожила.

- Это Егор.

Громов посмотрел на неё устало.

- Анна Сергеевна, я понимаю...

- Не начинайте.

- Тогда не буду. Родство не подтверждено актуальным кругом.

Ася вцепилась в ремень сумки.

Надя шагнула на полшага вперёд, ровно настолько, чтобы перехватить разговор до взрыва.

- Кто актуализировал круг?

- Не моя часть.

- Вы подписывали медицинское заключение о состоянии?

- Подписывал.

- Что именно подтвердили?

Громов устало провёл ладонью по лицу.

- Что пациент нуждается в наблюдении, не может самостоятельно распоряжаться документами до установления личности, демонстрирует тревожность, подозрительность, фрагментарность памяти, сопротивляется контакту с представителями социальных служб.

- Сопротивляется контакту - это он отказался говорить с Волковой?

Громов посмотрел на дверь.

- Я фамилий не называл.

- Уже назвали телом.

- Слушайте, Климова. Мне Рита Викторовна сказала, что вы будете мерзкая.

- Рита меня любит.

- Я заметил. Она сказала: «Если Климова припрётся, не пизди ей сверх меры, она сама доебётся». Это цитата.

- Видите, какая точная женщина.

Громов вздохнул и сел.

- Он боится не всех. Он боится вопросов, где надо подтвердить. Имя, номер, согласие, подпись. На обычные вещи отвечает лучше. Время путает. Дату не держит. Но предметы, места, запахи - держит. Когда медсестра принесла ему чай в синей кружке, он сказал, что у них дома такая была у матери и что сестра её разбила в одиннадцать лет, потому что изображала певицу с микрофоном.

Ася закрыла глаза.

- Мне было десять.

- Он сказал одиннадцать.

- Потому что Егор всегда прибавлял мне год, когда хотел бесить.

Громов посмотрел на неё уже не как врач на родственницу без статуса. Как человек на другого человека, которому сейчас больно и это неудобно протоколу.

- Можно к нему? - спросила Ася.

- Пять минут.

- Мне надо с ним поговорить.

- Пять минут, - повторил Громов. - И без попыток подписывать, записывать, фотографировать. Если он сорвётся, я вас выведу.

- Он не сорвётся.

- Все так говорят.

Палата была не отдельная, но Егора положили у окна за ширмой. За ширмой пахло больничным бельём, потом, йодом и пластиковой водой из стаканчика. На тумбочке лежал телефон без сим-карты, чужой, больничный, с треснутым экраном. Рядом - салфетки, пустая упаковка от печенья, таблетница и маленький бумажный пакет, в который кто-то положил вещи пациента.

Егор Мальцев лежал на высокой подушке.

Надя сначала увидела не лицо, а руки. Длинные пальцы, сбитые костяшки, ногти с тёмной грязью по краям, которую не сразу вымоешь, если несколько дней был не в квартире. На правом

запястье след от больничного браслета, который сняли и заменили другим, без фамилии. На новом было написано: Мужчина, неустановленный.

Лицо у Егора было худое, серое, с синяком под глазом и рассечением у губы. Волосы отросли неровно. Он смотрел в окно так, будто там шёл не дождь, а текст, который только он умел читать.

- Егор, - сказала Ася.

Он повернул голову.

В первые секунды не узнал. Или сделал вид. Или не смог сразу собрать её в нужном месте памяти. Надя не стала решать за него.

Потом его лицо чуть изменилось.

- Аська, - сказал он.

Голос был хриплый, сухой. - У тебя пуговица была синяя.

Ася застыла.

- Что?

- На зелёном пальто. Ты врала, что потеряла. А сама оторвала, потому что она была как глаз. Потом спрятала в банку с перловкой. Мама думала, деньги.

Ася закрыла рот рукой.

Громов, стоявший у входа за ширмой, отвернулся.

Надя смотрела на Егора.

Семейная деталь. Сильная. Живая. Для нормального мира - почти доказательство. Для мира, который уже собрал круг, - сентиментальный мусор.

- Егор Сергеевич, - сказала Надя.

Он сразу напрягся.

- Не надо Сергеевич.

- Хорошо. Егор. Я Климова.

- Знаю.

Ася резко посмотрела на него.

- Откуда?

Егор улыбнулся странно, одними губами.

- Они боятся тех, кто не подтверждает.

- Кто они?

- Те, кто спрашивает круг.

Надя села на край стула.

- Кто спрашивает круг?

Егор перевёл на неё глаза. В них было не безумие. Хуже. Слишком большая конкретность, разбитая на куски.

- Они не спрашивают имя. Они спрашивают круг. Если трое подтвердили, четвёртый уже не человек.

Ася тихо выдохнула.

- Егор, пожалуйста, нормально.

- Нормально нельзя. Нормально они забрали.

- Кто?

- Чужой Егор.

Надя не двинулась.

- Кто такой чужой Егор?

Он повернул голову к окну.

- Не ходит. Подтверждает.

- Где?

- Везде, где я оставил дверь. Номер. Почта. Устройство. Согласие. Старая роль. Восстановление. Контакт. Представитель. Внешний. - Он закашлялся, зажмурился от боли. - Меня не украли. Меня распределили.

Громов тихо сказал:

- Вот так он и разговаривает.

Надя не ответила. Она смотрела на бумажный пакет на тумбочке.

- Что это?

- Вещи, которые были при нём, - сказал Громов. - Без документов. Одежда, ключи, мелочь, какая-то пластиковая дрянь.

- Можно?

- Нет.

- Почему?

- Потому что порядок.

Надя посмотрела на него.

- Сергей Викторович, у вас на третьем этаже лежит мужчина, которого уже делают несуществующим. Порядок здесь, мягко говоря, в отпуске.

Громов помолчал, потом взял пакет и поставил на край кровати.

- Ничего не забираете.

Надя открыла пакет.

Скомканная маска. Две монеты. Обрывок талона. Ключ без брелока. Промокший чек, текст расплылся. И маленькая пластиковая карточка, старая, с выцветшим логотипом какого-то подрядчика и дыркой под клипсу. На карточке была не фотография, а только номер и фамилия, почти стёртая: Мальцев Е. С. Ниже - слово «подтверждение» в составе длинной служебной фразы, которую невозможно было разобрать полностью.

Ася наклонилась.

- Это его пропуск?

- Был, - сказал Егор. - Потом стал чужой.

- Где ты его взял?

- Он меня взял.

Ася не выдержала.

- Егор!

Он вздрогнул, будто она ударила.

Надя подняла руку, останавливая Асю.

- Не давите.

Ася отступила.

На лице Егора появилась усталая, почти детская злость.

- Я сам себе подписал отсутствие, - сказал он. - Не верьте моей матери. Она спасала меня.

- Ася тоже? - спросила Надя.

Он посмотрел на сестру.

- Ася всегда подписывает красиво.

Ася побледнела.

- Ты знал?

- Я ей дал.

- Что ты мне дал?

- Меньшее зло.

В коридоре кто-то засмеялся, потом сразу закашлялся. Телевизор снова заговорил про овощи.

Надя закрыла пакет.

- Егор, вы участвовали в этом механизме?

Он долго смотрел на неё. Слишком долго для простого ответа. В этом взгляде было и узнавание, и осторожность, и отвращение к себе.

- Я подтверждал не человека, - сказал он. - Я подтверждал формулировку.

Громов выпрямился.

- Всё, хватит.

- Ещё один вопрос.

- Нет. Он поплыл.

Егор улыбнулся.

- Поплыл. Хорошее слово. Когда тонешь, все вокруг подтверждают, что ты мокрый.

Ася шагнула к нему, но Громов уже отодвинул ширму.

- Пять минут закончились.

- Я приду ещё, - сказала Ася быстро.

Егор закрыл глаза.

- Не одна.

- Я не одна.

- Нет. Не с ней. - Он едва заметно кивнул в сторону Нади. - С тем, кто подтвердит факт.

Не их версию.

Надя подняла взгляд.

- Кто?

Егор уже не ответил.

В коридоре Ася остановилась у стены. Лицо у неё было белое, как бумага на больничной доске объявлений. Она держалась не за сумку, а за край перил, будто пол мог уйти.

- Он сказал про пуговицу, - прошептала она. - Никто не знал.

- Для них это не доказательство.

- Для меня доказательство.

- Вам надо будет принять, что вы тоже не доказательство.

Ася медленно повернула к ней голову.

- Вы всегда так утешаете?

- Я не утешаю.

- Заметно.

Громов вышел следом и протянул Наде лист.

- Это не копия. Посмотреть и вернуть.

Надя взяла.

Внутренний запрос на уточнение статуса пациента. Внизу фамилия: Волкова Е. А. Строка вопроса была выделена жирным.

Просим подтвердить, имеются ли основания считать заявительницу Мальцеву А. С. эмоционально вовлечённой и не способной объективно оценивать личность пациента.

Надя вернула лист.

- И что вы ответили?

Громов устало усмехнулся.

- Что эмоциональная вовлечённость родственника не является медицинским основанием для исключения его сведений.

- Смело.

- Нет. Аккуратно. Смело я бы написал другое.

- Что?

- Что они охренели.

Надя почти улыбнулась.

Из лифта вышла женщина в светлом пальто. Невысокая, собранная, с мягким лицом и папкой под мышкой. Она шла не быстро и не медленно, точно в ритме больничного коридора, как будто давно знала, где здесь скрипит линолеум.

Громов перестал улыбаться.

Ася рядом с Надей стала неподвижной.

Женщина остановилась у поста, сказала медсестре что-то тихо, потом повернулась.

- Надежда Александровна, - сказала она тепло. - Как хорошо, что мы встретились лично.

Елена Аркадьевна Волкова смотрела на Надю так, будто они обе пришли сюда помочь одному и тому же человеку.

На её пальцах не было колец. Только тонкий след от снятого украшения.

Глава 4. Внешний подтверждающий

Паша Лазарев получил запрос в одиннадцать семнадцать.

Он как раз стоял в коридоре управления возле автомата с кофе, который третий месяц выдавал напиток цвета старой лужи и вкуса служебного компромисса. Суханов называл его «помойка с функцией кипячения» и всё равно пил, потому что кабинетный чай в пакетиках был хуже.

Телефон коротко вибрировал в кармане. Паша достал его без мысли, ожидая сообщение от дежурного или от Нади. После седьмой он стал проверять телефон быстрее, чем хотел бы признавать. Не потому, что ждал нежности. Нежность в их жизни приходила редко и обычно вела себя как улика. Он ждал сбоя. Нового статуса. Чужой строки, где его уже поставили на место.

На экране было уведомление из служебной почты.

Запрос внешнего подтверждения.

Субъект: Климова Н. А.

Срок ответа: до 18:00 текущего дня.

Статус подтверждающего: предварительно пригоден.

Паша не открыл сразу.

Автомат плюнул в стакан последнюю струю и пискнул, будто считал это достижением. За спиной кто-то сказал: «Лазарев, ты забыл забрать». Паша взял стакан, обжёг пальцы через тонкий пластик и только тогда нажал на письмо.

Уважаемый Павел Игоревич.

В рамках уточнения достоверности сведений, предоставленных Климовой Н. А., просим подтвердить или опровергнуть следующие фактические обстоятельства:

1. Климова Н. А. в ряде эпизодов действовала вне установленной процедуры.
2. Климова Н. А. оказывала психологическое давление на свидетелей и иных участников.
3. Между вами и Климовой Н. А. существует личная связь, способная повлиять на оценку достоверности её действий.
4. Вы ранее принимали решения с учётом указанной связи.
5. Климова Н. А. проходила как объект наблюдения и нестабильный свидетель в материалах внутренней оценки.

Просим подтвердить только фактические обстоятельства. Оценочные суждения не требуются.

Паша дочитал и почувствовал, как кофе остывает в руке быстрее, чем должен.

Всё было правдой.

Почти всё. Именно так, как они любили. Без прямой лжи, без грязного монтажа на первый взгляд. Надя действительно действовала вне процедуры. Давила. Ломала чужие паузы. Заставляла людей говорить, когда они хотели спрятаться в молчании. Между ними действительно была связь. Личная, опасная, непроизнесённая в нормальных словах. Он действительно принимал решения с оглядкой на неё, а иногда против неё именно потому, что оглядывался.

Паша закрыл письмо.

Суханов вышел из кабинета с папкой под мышкой, увидел его лицо и остановился.

- Что?

Паша протянул телефон.

Суханов прочитал, не меняясь в лице. Только левый угол рта стал жёстче.

- Началось, - сказал он.

- У вас тоже?

- Ещё нет. Значит, скоро.

Паша забрал телефон.

- Если я отвечу «нет», я совру.
- Если ответишь «да», они тебя поставят ручкой.
- Если не отвечу, отказ пойдёт как уклонение.

Суханов хмыкнул.

- Учишься.
- Хреновый предмет.
- Зато прикладной.

Они стояли у автомата, и мимо них проходили люди, которым очень хотелось не замечать чужой разговор. Умение не замечать было в здании распространено лучше, чем кофе.

- Наде скажешь? - спросил Суханов.

- Да.
- Не по телефону.
- Понимаю.
- Не факт.

Паша посмотрел на него.

Суханов вздохнул и понизил голос.

- Они не просто спрашивают про неё. Они спрашивают тебя про себя. Тебе захочется ответить честно так, чтобы её защитить. Это две разные задачи. Не перепутай.

Паша кивнул.

- А вы что подтвердите, если спросят?

Суханов посмотрел в мутный стаканчик с кофе.

- Что Климова нарушала границы. Что лезла, куда её не звали. Что иногда спасала дело тем, за что нормальный начальник должен был бы ей по шапке дать. Что рядом с ней люди рисковали. Что рядом с ней люди выживали тоже.

- Последнее они не спросят.
- А я сам напишу.

Паша впервые за утро чуть улыбнулся.

- Не по форме.
- Пошли они со своей формой.

Телефон снова завибрировал. Теперь Надя.

Паша принял.

- Ты получил? - спросила она без приветствия.

- Да.
- Не отвечай.
- Поздно. Я уже мысленно всех послал.
- Мысленно не считается.
- Тогда хорошо.

На той стороне были голоса, больничный шум, женский спокойный тембр, который говорил слишком мягко. Паша насторожился.

- Ты где?
- В больнице. У нас новая вежливая дрянь. Фамилия Волкова.
- Мне запрос пришёл по тебе.
- Знаю.
- Откуда?
- Потому что у меня на столе с утра лежала папка, где ты уже внешний подтверждающий.

Паша молчал.

Суханов рядом смотрел в окно коридора, давая ему иллюзию частного разговора.

- Паш, - сказала Надя. - Не защищай меня ложью.

- Я не собирался.
- И правдой без контекста тоже не защищай.
- Это уже сложнее.
- Да.

В её голосе не было просьбы. Это было хуже просьбы. Доверие без защиты.

- Я подъеду, - сказал он.

- Нет. Сначала к Морозову. У нас мужчина без имени, старые доверенные устройства, резервные номера и фраза «чужой Егор не ходит, он подтверждает». Морозов оценит.

- Он будет счастлив.
- Он будет материться.
- Значит, счастлив.

Она отключилась.

Паша посмотрел на запрос ещё раз. Внизу было поле для ответа и две кнопки: «Подтвердить» и «Требуется уточнение».

Он не нажал ни одну.

Морозов сидел в подвале у себя, хотя формально его комната называлась лабораторией цифрового анализа. Подвал был честнее. Низкий потолок, старые трубы, серый шкаф с кабелями, два монитора, коробка с роутерами, которые Морозов называл «кладбищем доверенных устройств», и чайник с накипью, похожей на геологический слой.

Когда Паша вошёл, Морозов не обернулся.

- Если ты по поводу запроса, я уже в курсе.

- Откуда?

- Потому что у меня тоже запрос. Про то, могу ли я подтвердить, что Климова регулярно получала от меня сведения вне установленного порядка.

- Можешь?

- Конечно. Она регулярно получала от меня сведения вне установленного порядка, потому что установленный порядок у нас обычно дохнет на авторизации, согласовании и человеке в отпуске.

Паша сел на край стула.

- Надя просила посмотреть Егора Мальцева.

- Уже смотрю.

Морозов кивнул на второй монитор. На нём была открыта таблица входов. Фамилия Мальцев повторялась в разных строках, но рядом стояли разные типы доступа: основной пользователь, резервный контакт, доверенное устройство, представитель, внешний подтверждающий, восстановление, согласие на передачу сведений.

- Быстро, - сказал Паша.

- Не я быстрый. Они грязные.

- Что видно?

- Пока видно, что человека не подменили одним человеком. Его распилили по сервисам.

Паша молча наклонился ближе.

Морозов ткнул пальцем в экран.

- Вот основной профиль Егора. Формально активности мало. Последний нормальный вход старый. Потом начинается красота. Резервный номер меняется через доверенное устройство, которое давно не должно было быть доверенным. Почта восстановления светится в старом кадровом контуре. В медицинской согласии он уже не основной, а контакт. В социальном реестре он представитель самого себя через старую роль. В одном деле проходит внешним подтверждающим по другому субъекту. И вот тут, смотри, запрос на исключение сестры из актуального круга подтверждения.

- Кто инициировал?

- Технически - служебный кабинет. По человеку пока не скажу. Там прокладка. Подрядчик, внутренний контур, потом ручное уточнение. Но фамилия Волковой уже рядом ходит.

Паша вспомнил письмо.

- Кнопки «подтвердить» достаточно?

Морозов повернулся к нему впервые.

- Вот раньше меня бесило, что ничего не работает. Теперь бесит, что работает. Особенно кнопка «подтвердить». Система не спрашивает, правда ли это. Она спрашивает, достаточно ли людей нажали «да».

На экране мигнула новая строка.

Морозов выругался тихо, без удовольствия.

- Что?

- По Климовой пошёл второй круг. Рита. Суханов. Ты. И бывший доверенный контакт.

- Костя.

- Если это тот самый К., то да.

Паша почувствовал, как старый, знакомый холод проходит ниже рёбер.

- Они всех собирают.

- Не всех. Тех, кому поверят больше, чем ей.

Паша посмотрел на кнопку в своём телефоне.

«Подтвердить».

Она была синяя. Очень спокойная. Такая кнопка не угрожала. Она просто ждала, когда человек станет полезным.

В дверь подвала постучали.

Не резко. Два раза. Вежливо.

Морозов и Паша одновременно повернулись.

На пороге стояла женщина в светлом пальто. Елена Аркадьевна Волкова держала папку прижатой к груди, как учительница тетради перед родительским собранием.

- Павел Игоревич, - сказала она мягко. - Хорошо, что вы здесь. Нам важно уточнить несколько фактов до того, как вы сформулируете ответ.

Морозов медленно снял очки.

- А вы кто такая, чтобы ходить в мой подвал?

Волкова улыбнулась ему почти виновато.

- Человек, который не хочет, чтобы вы потом отвечали за неверное подтверждение.

Паша убрал телефон в карман.

Запрос остался без ответа.

Пока.

Глава 5. Только факты

Волкова стояла на пороге подвала так спокойно, будто Морозов сам пригласил её на чай, а не держал в комнате два монитора с чужими входами, три коробки изъятых устройств и злость, которой хватило бы прогреть весь подвал без батарей.

Паша не сразу понял, что его больше раздражает: её светлое пальто, слишком чистое для этого коридора, или то, как быстро помещение перестало быть их территорией. До её появления здесь пахло пылью, перегретым пластиком, кабелями и Морозовым. После появления Волковой запах остался тем же, но в нём возникла чужая аккуратность, как белая салфетка на грязном столе.

- А вы кто такая, чтобы ходить в мой подвал? - повторил Морозов.

Волкова посмотрела на него с мягким сожалением.

- Вы, вероятно, Константин Александрович Морозов.

- Вероятно, если верить документам. Но мы тут как раз выясняем, что документам верить вредно для печени.

- Я не собираюсь вам мешать. Мне нужно уточнить несколько фактов, чтобы ваши дальнейшие действия не были истолкованы как вмешательство в процедуру подтверждения.

- У нас процедура подтверждения уже сдохла на слове «процедура», - сказал Морозов.

Паша молчал. Он видел, что Волкова пришла не к Морозову. Морозов был шумом, средой, технической грязью, с которой она справится позже. Она пришла к нему. К внешнему подтверждающему. К человеку, который ещё не нажал ни одну кнопку и поэтому оставался полезным.

Волкова прошла внутрь на два шага. Не больше. Ровно настолько, чтобы перестать быть гостьей у двери и ещё не стать нарушительницей. Она умела мерить чужое пространство по сантиметрам.

- Павел Игоревич, - сказала она, - я понимаю, что запрос мог показаться вам неприятным.

- Он не показался.

- Тем лучше. Значит, вы уже воспринимаете его не эмоционально.

Морозов тихо фыркнул.

- Слышишь, Лазарев? Если тебе неприятно, ты эмоционален. Если не неприятно, ты пригоден. Удобная вилка.

Волкова не обиделась. Она чуть повернула голову к Морозову, но взгляд быстро вернула Паше.

- Нас интересуют только фактические обстоятельства. Никто не просит вас обвинять Надежду Александровну. Никто не просит давать оценку её личности. Нам важно понять, могли ли её действия влиять на достоверность сведений, которые она передавала.

- Она передавала сведения по делам, - сказал Паша.

- Иногда вне установленного порядка.

Паша молчал.

Вот здесь начиналась ловушка. Не в слове «вне». Это слово было настоящим. Надя жила вне порядка так часто, что порядок давно должен был подать на неё заявление о пропаже. Ловушка была в том, что Волкова сказала это без злобы. Без обвинения. С заботой о чистоте процесса.

- Подтвердите, пожалуйста, - мягко сказала Волкова. - Климова Н. А. в ряде эпизодов действовала вне установленной процедуры?

Морозов перестал улыбаться.

Паша почувствовал, как запрос в телефоне будто стал тяжелее в кармане. Там была та же строка. Только теперь она звучала живым голосом.

- Да, - сказал он.

В подвале стало тише.

Волкова не улыбнулась. Умная. Она не радовалась добыче при добыче.

- Спасибо. Климова Н. А. оказывала психологическое давление на свидетелей и иных участников?

Паша вспомнил Надю в комнатах без окон, у больничных коек, у чужих кухонных столов, перед людьми, которые вали себе уже так долго, что правда из них выходила с кровью. Вспомнил, как она умела не отводить взгляд. Как иногда человек начинал говорить не потому, что готов, а потому что больше не мог молчать.

- Да, - сказал он снова.

Морозов резко повернул голову.

Паша не посмотрел на него.

- В отдельных эпизодах, - добавил он. - При наличии оснований считать, что без давления сведения будут утрачены, искажаются или уже искажены.

Волкова чуть склонила голову.

- Я записала первую часть. Вторая является вашей оценкой мотивов.

- Тогда запишите, что без второй первая неполная.

- Мы не занимаемся интерпретациями.

- Зато отлично их запускаете.

Морозов издал короткий смешок.

Волкова посмотрела на Пашу уже внимательнее. Тепло осталось на лице, но взгляд стал суше. Не холоднее - именно суше, как бумага после долгого хранения.

- Павел Игоревич, между вами и Климовой Н. А. существует личная связь?

Паша впервые отвёл глаза. Не потому, что не знал ответ. Потому что ответ был живой, а Волкова ждала от него сухой формы.

Слово «связь» лежало между ними на столе, которого не было. В нём помещались звонки в плохой связи, злые короткие реплики, молчание после той сверки, его желание подъехать и её «не надо», старые дела, мокрые коридоры, чужие смерти, спасённые не полностью люди и то, о чём никто из них вслух не просил.

- Да, - сказал Паша.

Волкова кивнула.

- Эта связь могла повлиять на ваши действия?

- На мои действия влияет всё, что я знаю о деле.

- Это не ответ.

- Это точный ответ.

- Вы принимали решения с учётом личной привязанности к Климовой Н. А.?

Морозов выругался очень тихо. На экране за его спиной продолжали мигать строки входов, чужих ролей, старых номеров, и всё это вдруг стало похожим на ту же комнату, только в цифре: основной пользователь, резервный контакт, внешний подтверждающий, эмоциональная связь.

Паша сказал:

- Я принимал решения с учётом того, что Климова часто была права раньше процедуры.

- Это снова оценка.

- Нет. Это статистика, Елена Аркадьевна.

Волкова молчала секунду. Потом достала из папки лист и положила его на край стола Морозова. Не рядом с клавиатурой, не на провода, аккуратно на свободное место. Лист был чистый, белый, с серым заголовком.

- Тогда я попрошу вас оформить уточнение письменно. До восемнадцати ноль-ноль. Факты отдельно, контекст отдельно, если вы настаиваете. Но предупреждаю: контекст без подтверждённого основания будет учтён как личная позиция.

- Всё в этой жизни личная позиция, - сказал Морозов. - Даже когда человек на кнопку жмёт.

Волкова наконец посмотрела на него полностью.

- Константин Александрович, по вам тоже направлен запрос. Вы можете подтвердить, что предоставляли Климовой Н. А. сведения, полученные через служебные или полуофициальные каналы, вне установленного порядка?

- Могу подтвердить, что если бы мы ждали установленный порядок, половину ваших красивых процедур пришлось бы проводить по трупам.

- То есть предоставляли.

- То есть идите к чёрту.

Она не моргнула.

- Это будет сложно внести в форму.

- Постарайтесь. У вас, я смотрю, талант.

Паша видел, как Морозов злится не только из-за Нади. Волкова знала, куда давить. Она не спрашивала про взломы, доступы, технические цепочки. Она спрашивала про форму. Про то, что можно подтвердить. Морозов ненавидел эту часть сильнее, чем плохие логи.

На втором мониторе вспыхнула новая строка. Морозов бросил взгляд и замер.

Волкова тоже посмотрела туда. Совсем коротко. Слишком коротко для человека, который якобы не понимал, что перед ним.

Паша успел прочитать только часть: Мальцев Е. С. - представитель по внешнему подтверждению - дело... дальше строка ушла вниз.

Морозов медленно положил ладонь на мышь и свернул окно.

- Вы уже работаете с цифровыми материалами Мальцева, - сказала Волкова.

- А вы уже знаете, что именно мигнуло у меня на экране, - ответил Морозов.

- Я вижу достаточно, чтобы предупредить вас. Любое несанкционированное изменение цепочки подтверждений может разрушить возможность восстановления статуса мужчины, который называет себя Егором Мальцевым.

- Мужчины, который называет себя, - повторил Паша.

- Пока его личность не подтверждена, иная формулировка была бы недобросовестной.

- Вы все так говорите, будто слово «Егор» может заразить бумагу.

Волкова посмотрела на него почти печально.

- Слово «Егор» может заразить людей надеждой. А надежда часто мешает безопасности.

Морозов резко встал.

- Всё, экскурсия закончена. Из подвала наверх, направо, потом ещё раз направо, желательно до улицы и без остановок у чужих мониторов.

- Вы очень эмоциональны для специалиста по данным.

- А вы очень липкая для специалиста по заботе.

Волкова взяла папку обеими руками. На секунду её пальцы сжали картон сильнее, чем нужно. Паша заметил тонкую красную полоску у ногтя. Заусенец. Маленькая живая неаккуратность на очень аккуратном человеке.

- Павел Игоревич, - сказала она у двери. - Я прошу вас подумать не о том, как защитить Климову, а о том, как не стать частью чужого искажения. Иногда близость делает человека недостоверным.

- Иногда близость даёт человеку контекст.

- Контекст не всегда проверяем.

- Тогда плохо проверяете.

Она улыбнулась.

- До восемнадцати.

Дверь закрылась мягко. Даже хлопок у неё получился воспитанным.

Морозов сел обратно, выдохнул и сказал:

- Я сейчас что-нибудь сломаю. Не систему. Руки.

- Не надо.

- Себе не буду.

Паша достал телефон. Запрос лежал открытым, синяя кнопка ждала. Рядом с ней была серая: «Требуется уточнение».

Он нажал серую.

Форма открыла поле комментария.

Паша смотрел на пустое место для текста и впервые за утро понял, что пустое поле тоже может быть комнатой для допроса.

Морозов снова развернул таблицу.

- Смотри.

На экране строка, которая мигнула при Волковой, раскрылась полностью.

Мальцев Е. С. - внешний подтверждающий. Объект: Кудрявцева Л. Н. Связь: формально не подтверждается. Решение: сведения родственницы не учитывать.

Дата стояла двухлетняя.

Паша прочитал и почувствовал, как неприятная тяжесть смещается. Дело Егора вдруг перестало быть только делом Егора.

- Он сам это подписал? - спросил он.

- Не знаю, - сказал Морозов. - Но доступ его. Старый, доверенный, чистый по форме.

- Кудрявцева кто?

- Пока не знаю.

Морозов ткнул в соседнюю строку.

- Зато знаю другое. После этого решения у Егора появилась роль в модуле внешней верификации. Не исполнитель. Не начальник. Человек, который подтверждает, что связь между людьми недостаточна.

Паша посмотрел на лист Волковой, оставленный на столе.

Белая бумага лежала ровно. Чисто. Как будто её никто не трогал.

- Значит, он уже был ручкой, - сказал Паша.

- Был, - ответил Морозов. - А теперь ручку выкрутили из человека и пишут дальше.

В коридоре за дверью кто-то прошёл. Шаги затихли быстро, но Морозов всё равно поднялся и закрыл задвижку, которой официально в лаборатории быть не должно.

На экране рядом с фамилией Егора горел статус: пригоден.

Глава 6. Бумага, чтобы не посадили

Квартира Ирины Петровны Мальцевой была на Кондратьевском, в доме с облупленной аркой и внутренним двором, где мокрые листья лежали у мусорных баков так плотно, будто их специально складывали на зиму. У подъезда кто-то приклеил объявление про отключение горячей воды, хотя воду давно дали. Бумага размокла по краям, скотч держался упрямее смысла.

Ася поднялась первой. Быстро, почти зло. Надя шла за ней и смотрела на стены: старая краска, чёрные отпечатки пальцев у выключателя, реклама вскрытия замков, заклеенная наклейка какого-то районного чата. В таких подъездах люди знали друг о друге всё, что можно было сказать в спину, и почти ничего, что могло спасти.

- Она боится, - сказала Ася перед дверью.

- Мать?

- Всего. Меня, Егора, звонков, бумаг, людей, которые говорят спокойно.

- Волковой?

Ася достала ключи.

- Она теперь всех спокойных боится.

Дверь открыли не сразу. Сначала за ней прошуршали тапки. Потом кто-то замер у глазка. Потом щёлкнула цепочка.

Ирина Петровна была маленькая, плотная, с лицом человека, который давно перестал спать нормально и теперь держится на чае, таблетках и привычке вытирать стол. Волосы окрашены в рыжеватый цвет, у корней седина. Халат застёгнут не на ту пуговицу. На шее тонкая цепочка без кулона.

Она увидела Асю, потом Надю, и лицо сразу стало закрытым.

- Я всё сказала, - произнесла она.

- Мам.

- Я всё сказала там. Я больше не могу.

- Это Надежда Александровна.

- Я знаю, кто это. Мне звонили.

Надя не удивилась.

- Елена Аркадьевна?

Ирина Петровна отступила от двери.

- Заходите. Только обувь снимите. У меня полы чистые.

Полы не были чистыми. На линолеуме у порога темнели следы от мокрых ботинок, видно было, что их недавно тёрли тряпкой, но грязь въелась в рисунок. На кухне пахло дешёвым кофе, валерьянкой и подгоревшей кашей. На столе стояли три кружки, хотя ждала она явно не гостей. Рядом лежала стопка распечаток, прижатая сахарницей.

Ирина Петровна сразу взяла эти бумаги и убрала в ящик.

Надя заметила, но не остановила.

Ася заметила тоже.

- Что это?

- Ничего.

- Мам.

- Ничего, я сказала.

- Если это опять от них...

- Анна, не начинай.

Слово «Анна» резануло кухню. Ася застыла, будто мать позвала не её, а ту ровную женщину из старой подписи, которая полтора года назад могла спокойно написать: «не поддерживает устойчивой связи».

Надя села без приглашения. Ирина Петровна посмотрела на неё с возмущением, но не выгнала. Старые люди и напуганные люди часто терпели чужую наглость, если она выглядела как работа.

- Ирина Петровна, - сказала Надя. - В больнице вы подписали, что мужчина не ваш сын.

- Я подписала, что его надо оставить под наблюдением.

- В тексте написано другое.

- Мне объяснили.

- Кто?

Женщина потеряла рукав халата.

- Девушка. Не девушка. Женщина. Аккуратная такая. До неё ещё врач был. Потом эта. Сказала, что если я подтвержу Егора, его могут забрать. Что там старые заявления, операции, долги, конфликт на работе, что он может навредить себе и другим. Сказала, что пока он не подтверждён, есть время.

- На что?

- На лечение.

- Или на то, чтобы собрать круг.

Ирина Петровна моргнула.

- Я не знаю ваших слов.

- Зато вы знаете подпись.

Ася резко повернулась к Наде.

- Не надо.

Надя не посмотрела на неё.

- Ирина Петровна, вы сына узнали?

Мать молчала. На плите тихо щёлкнул остывающий металл.

- Узнали? - повторила Надя.

- Он был... - женщина глотнула воздух. - Он был страшный.

- Это не ответ.

- Это мой ответ. Он был худой, грязный, с этим глазом, губа разбита. Он смотрел через меня. Я сказала: «Егор». А он сказал: «Не подтверждай». Вы понимаете? Он сам сказал. Не подтверждай. Потом эта женщина сказала, что он в таком состоянии может не понимать последствий, но, возможно, чувствует опасность. И если я подпишу временно...

- Там не написано «временно».

- Мне сказали, что это временно!

Голос сорвался. Ирина Петровна тут же прикрыла рот ладонью, как будто крик мог выйти из квартиры в подъезд и стать жалобой.

Ася стояла у холодильника. На дверце висели магнит из Сестрорецка, календарь аптеки и детская фотография: мальчик с тонкой шеей держит на руках девочку в красной шапке. Девочка хмурится. Мальчик смеётся. Фотография выцвела до жёлтого.

- Вы подписали, - сказала Надя.

Теперь Ася шагнула к столу.

- Надежда Александровна.

- Подписали вы, - повторила Надя, глядя на Ирину Петровну. - Не Волкова. Не врач. Не неизвестная женщина. Ваша подпись стоит под фразой, что он не ваш сын.

Ирина Петровна побелела.

На секунду Надя увидела, как эта фраза вошла в неё. Без крови, без звука. Просто женщина стала меньше на стуле.

Ася сказала тихо:

- Вы сейчас как она.

Надя повернула к ней голову.

- Знаю.

- И всё равно?

- Сейчас да.

Ирина Петровна вдруг поднялась, открыла ящик и достала оттуда убранные бумаги. Руки дрожали так, что листы зашуршали, будто маленькие животные.

- Вот. Хотите? Берите. Тут всё. Они мне прислали, что я должна уточнить. Что я не отказываюсь от сына. Что я только подтверждаю, что в текущем состоянии не могу достоверно установить личность. Что Анна эмоционально вовлечена. Что Егор ранее был нестабилен. Что он мог передавать документы третьим лицам. Что я прошу защитить меня от возможных последствий его действий. Всё красиво. Всё правда. Он правда пропал. Он правда орал. Он правда приходил без паспорта. Он правда однажды разбил дверь ногой. Только это был мой сын. Понимаете? Мой.

Последнее слово было не к Наде. К кухне. К старой фотографии. К мальчику, который держал девочку в красной шапке.

Надя взяла распечатки.

Фразы были волковские. Не по подписи, по температуре. «Не фиксируем отказ». «Уточняем степень объективности». «Защита от ответственности». «Безопасность приоритетна при сохранении уважения к семейной связи». Человека гладили по голове и одновременно вынимали из него сына.

- Она вам звонила сегодня? - спросила Надя.

- Утром. Спросила, не приходила ли Анна к вам.

- И вы?

Ирина Петровна посмотрела на дочь.

- Я сказала, что не знаю.

Ася закрыла глаза.

- Mam, я тебе писала.

- Я видела.

- Тогда почему?

- Потому что если они знают, что ты у Климовой, они будут давить на тебя сильнее.

- Они уже знают.

- Я не знала.

Надя положила распечатки в свою папку.

- Что Егор сказал ещё?

- Когда?

- В больнице. Кроме «не подтверждай». Что-то странное, не по ситуации.

Ирина Петровна села медленно.

- Он сказал... «Карточку не отдавай». Я не поняла. Какую карточку. Потом сказал: «Пусть Аська не лезет в круг, её уже брали». Потом начал повторять: «Не мать. Не сестра. Роли». Врач сказал, что это спутанность.

Ася резко выпрямилась.

- Карточку?

- Я думала, он про банковскую.

- У него не было карты.

Ирина Петровна молчала. Потом поднялась, вышла из кухни и вернулась с маленькой жестяной коробкой из-под печенья. Коробка была старая, красная, с датским домиком, кото-

рый давно стёрся. Внутри лежали мелочи: пуговицы, старые ключи, батарейки, скрепки, чей-то школьный значок, сим-карта в прозрачном пакетике.

И пластиковая карта-пропуск.

Зелёная, потёртая, с трещиной у края. Фотография на ней почти выцвела, но лицо Егора читалось. Под фото: Мальцев Е. С. Ниже штрихкод и название подрядной структуры, обрезанное так, что оставалось только «...верификация».

Ася взяла карту двумя пальцами.

- Откуда она у тебя?

- Он оставил. Тогда, полтора года назад. Пришёл ночью, сказал: «Если спросят - не видела». Я думала, он опять вляпался. Потом ты подписала бумагу, и его вроде оставили в покое. Я карточку спрятала.

- Почему не сказала?

- Потому что ты бы понесла её куда-нибудь.

- А надо было куда?

Ирина Петровна посмотрела на неё почти зло.

- Аня, всё, что мы несли, потом возвращалось против него.

Надя протянула руку.

- Можно?

Мать не отдала сразу.

- Это его.

- Именно поэтому.

Карта легла Наде в ладонь. Тонкий пластик был тёплым от рук Ирины Петровны. На обороте шариковой ручкой было написано одно слово: ЛИДА.

- Кто такая Лида? - спросила Надя.

Ирина Петровна нахмурилась.

- Не знаю.

Ася смотрела на надпись.

- Л. Н. Кудрявцева? - сказала она медленно.

Надя подняла глаза.

- Вы знаете это имя?

- Нет. Но Егор однажды говорил «Лида не прошла круг». Я думала, это про какую-то женщину с работы. Он тогда был злой, пьяный, сказал: «Я не человека подтвердил, я формулировку». Я не поняла.

Кухня вдруг стала тесной. Слишком много старых фраз начало находить друг друга.

Телефон Нади завибрировал.

Морозов.

Она приняла.

- У нас Л. Н. Кудрявцева, - сказал он без приветствия.

- Уже знаю.

- Откуда?

- С пластиковой карты Егора. На обороте «Лида».

Морозов помолчал.

- Отлично. Предметы решили работать быстрее людей. Кудрявцева Лидия Николаевна. Два года назад пыталась подтвердить родство с человеком в закрытом медицинском контуре. Ей отказали. Внешний подтверждающий - Мальцев Е. С.

Ася медленно села на табурет.

Ирина Петровна смотрела на карту, будто в ней теперь лежал не пластик, а ещё один кусок сына, который она случайно прятала полтора года.

- Что с Кудрявцевой? - спросила Надя.

- Пока вытаскиваю. Но там отметка: сведения родственницы не учитывать, эмоциональная вовлечённость, связь формально не подтверждается. Очень знакомая песня.

- Жива?

- Не знаю.

- Узнай.

- Я, конечно, тут в подвале просто свечку держал, ждал команды.

- Морозов.

- Узнаю.

Он отключился.

Надя убрала карту в прозрачный файл. Ирина Петровна дёрнулась.

- Я верну, - сказала Надя.

- Все так говорят.

- Не все возвращают.

- Вы вернёте?

Надя посмотрела на неё. После своей фразы «подписали вы» сказать что-то мягкое было бы дешёвой покупкой прощения.

- Если она не станет вещдоком.

Ирина Петровна усмехнулась сухо, без улыбки.

- Честно хоть.

Ася поднялась.

- Mam, ты поедешь к Егору?

- Меня не пустят.

- Пустят.

- Если я скажу, что это сын, его заберут.

- Если ты не скажешь, его заберут без имени.

Мать посмотрела на дочь. В этом взгляде было что-то такое старое, что Наде захотелось выйти в подъезд и дать им возможность ненавидеть друг друга без свидетеля. Но времени не было.

На телефоне Аси всплыло уведомление из домового чата. Она машинально опустила глаза и побледнела.

Надя взяла телефон.

В чате дома кто-то писал:

«Соседи, будьте осторожны. Опять ходят по квартирам по поводу Мальцева. Родные сами не уверены, что это он. Знающие люди подтвердили, что там мутная история».

Ниже уже шли ответы.

«Мы давно замечали».

«Он всегда странный был».

«А сестра у него тоже какая-то нервная».

«Не открывайте никому».

Надя вернула телефон.

- Вот, - сказала она. - Круг вышел покурить во двор.

Ирина Петровна закрыла лицо руками.

Ася смотрела на экран, не моргая. На её лице впервые за день появилась не злость и не страх. Стыд. Такой, который не принадлежал ей, но уже начинал сидеть на коже.

Из подъезда донёсся женский голос:

- Я же говорила, у них там с сыном давно беда.

Надя подошла к двери и повернула замок.

Сухой щелчок прозвучал громче, чем должен был.

Глава 7. Старый номер

Морозов ненавидел старые номера почти так же, как людей, которые называли любую непонятную таблицу «базой данных».

Старый номер был хуже нового. Новый хотя бы честно ничего не обещал. Старый тянул за собой хвост из банков, доставок, личных кабинетов, семейных чатов, медицинских записей, почт, восстановлений, скидочных карт, забытых заявлений и людей, которые десять лет назад нажали «доверять этому устройству» и с тех пор жили так, будто доверие не портится.

Номер Егора Мальцева по документам был отключён восемь месяцев назад. По жизни он продолжал шевелиться.

- Он у вас как покойник с абонентской платой, - сказал Морозов, когда Надя приехала к нему с зелёной картой-пропуском.

Паша всё ещё сидел в подвале. Перед ним на столе лежал лист Волковой с пустыми строками для уточнения. Он не писал. Это было нехорошо. Когда Паша долго не писал, значит, пытался придумать честную форму, а честные формы обычно хуже лжи: они живут дольше.

Надя положила карту в прозрачном файле рядом с клавиатурой.

- Не лапай без перчаток, Рита потом съест.

- Рита ест людей, которые говорят «просто посмотреть». Я говорю «оцифровать поверхность и молиться, что на пластике осталось хоть что-то, кроме материнской тревоги». Это почти научно.

- Что с номером?

Морозов развернул монитор.

Таблица была не красивой. Красивые таблицы делали для начальства. Рабочие таблицы были грязными: даты, источники, статусы, пустые поля, пометки, разный регистр, кривые сокращения. Фамилия Мальцев шла отдельной колонкой, но в соседних строках появлялись роли, которые не должны были жить вместе.

Основной пользователь.

Резервный контакт.

Доверенное устройство.

Представитель.

Внешний подтверждающий.

Контакт для восстановления.

- Вот, - сказал Морозов. - Формально номер Егора отключён. Фактически его использовали как резервный в четырёх местах после отключения. Не для разговоров. Для подтверждений. Код, вход, согласие, «да, это я», «да, я знаю этого человека», «да, доступ восстановить».

- Сим-карта?

- Не факт. Иногда достаточно, чтобы сервис считал номер доверенным, а подтверждение уходило через старое устройство, где сессия жива. Иногда через почту, где номер висит для вида. Иногда через кабинет представителя. Короче, не взлом. Помойка с памятью.

Паша поднял глаза.

- Кто нажимал?

- А вот это вкуснее. В части случаев технически нажимал не Егор и не кто-то вместо Егора. Нажимала роль.

Надя села.

- Человеческим языком.

- Человеческий язык для этого не приспособлен, но попробую. Когда-то Егор получил доступ как внешний подтверждающий. Его устройство и номер стали доверенными для определённых операций. Потом сам человек выпал, уехал, сорвался, исчез - как угодно. А роль

осталась. И кто-то через эту роль подтверждал дальше. В одном сервисе это Егор. В другом - контакт Егора. В третьем - представитель. В четвёртом - устройство. В пятом - старый номер.

- Чужой Егор не ходит, - сказала Надя.

- Он подтверждает, - закончил Морозов. - Да. И знаешь, что бесит? Всё выглядит допустимо. Не чисто. Не красиво. Но допустимо. Там каждый отдельный кусок можно объяснить халатностью, старым доступом, ошибкой миграции, ручным уточнением, наследованной ролью. Никакого главного красного рубильника.

- Волкова?

- Её фамилия не на каждом куске. Она умнее. Но её контур рядом с теми местами, где роль Егора оживает после того, как сам Егор уже должен был быть неактивен.

Паша наконец взял ручку.

- Кудрявцева.

Морозов кивнул.

- Лидия Николаевна. Пятьдесят девять лет. Два года назад пыталась подтвердить связь с сыном, который лежал в закрытом реабилитационном контуре после травмы и какого-то мутного дела. По документам связь не подтвердилась. Её сведения не учли. Внешний подтверждающий - Егор Мальцев. После этого у парня сменился представитель, женщина потеряла доступ, потом умерла через семь месяцев. Официально - сердце. Сын потом попал в долговую историю и исчезает из открытых контуров. Это пока грязный набросок, не доказательство.

Надя смотрела на зелёную карту.

- Значит, Лида - это не любовница и не бухгалтерша.

- Это человек, которого Егор однажды не подтвердил.

- Или подтвердил формулировку.

Паша тихо сказал:

- «Я подтверждал не человека. Я подтверждал формулировку».

Все трое замолчали.

Фраза, сказанная Асей как воспоминание о чужой злости, вдруг стала не красивой, а рабочей. У неё появились дата, роль, фамилия и умершая женщина с сердцем, которое могло не выдержать не только болезни.

Телефон Нади завибрировал. Рита.

- Корнеева.

- Ты где? - спросила Рита.

- У Морозова.

- Значит, в подвале, где всем нормальным клеткам организма хочется сдохнуть. Отлично. Слушай. По вашему Мальцеву мне позвонил Громов. Он прислал фото травм, пока официально никто не дёргается. Если это тот мужик, которого все пишут как агрессивного, у меня вопрос к коллективу.

- Какой?

- Коллектив сам себя бил об стены?

Надя включила громкую.

- Повтори.

- У него травмы человека, который закрывался. Плечи, предплечья, кисти, боковая поверхность бедра. Не напал он, Надь. Или напал очень странно: лицом в чужой страх. Плюс старые следы фиксации, не больничной сегодняшней. Я бы посмотрела руками, но меня туда пока не пускают, потому что официально я не при делах.

- Все сейчас не при делах, - сказал Морозов.

- Морозов, ты опять в подвале с людьми? Не размножайся там.

- Поздно, у меня таблицы.

- Вот с таблицами и живи.

Надя спросила:

- Рит, если все подтвердят, что он агрессивный, а тело говорит, что он защищался?

- Охренеть, - сказала Рита. - Труп теперь один против коллектива. Только он у вас ещё живой, что усложняет людям жизнь.

- Можешь приехать?

- Могу, если меня не пошлют.

- Тебя пошлют.

- Я привыкла. Вопрос - кто первый устанет.

Связь щёлкнула, голос Риты на секунду рассыпался, потом вернулся.

- И ещё. Мне пришёл запрос по тебе.

Надя закрыла глаза.

- Подтвердить, что я скрывала часть действий?

- Почти. Подтвердить, что ты предоставляла мне сведения вне официального экспертного задания и влияла на мою оценку. Я ответила «требуется уточнение», потому что не нашла графы «вы там охуели всем отделом?».

Морозов поднял палец.

- Графа популярная, надо внедрять.

- А ты молчи, подвальный. Надь, они аккуратные. Очень. Там нет «Климова плохая». Там «просим подтвердить факты». Факты есть. Вопрос в том, что из них слепят.

- Знаю.

- Нет, ты не просто знай. Не дай им сделать из нас хор. Я плохо пою.

Рита отключилась.

Паша смотрел на свой лист. Потом начал писать.

Надя не спрашивала. Подошла к монитору Морозова и ткнула в строку с резервным номером.

- Кто получал последний код?

- Сейчас.

Морозов поднял выгрузку. Несколько секунд экран заполнялся серыми строками.

- Последний активный отклик через устройство с меткой EGOR-M3. Старое. Привязано к профилю три года назад. География плавает по городу, как крыса по подвалу. Последний уверенный след - район Обводного, потом Лиговский, потом непонятный скачок через служебный прокси.

- Устройство где?

- Если бы я знал, я бы уже сидел красивый и важный.

- Бывшая жена могла оставить?

- Может. Мать могла. Ася могла. Сам Егор мог отдать. Там у него была привычка раздавать доступы, как листовки у метро.

- Бывшую зовут?

Паша ответил, не отрываясь от бумаги:

- Марина Козлова. В заявлении по больнице стоит М. В. Козлова. Подтвердила, что мужчина может выдавать себя за Егора и представлять риск.

Надя посмотрела на него.

- Ты уже поднял?

- Ася оставляла копию. Я сфотографировал в больнице.

- Когда?

- Пока ты ругалась с Волковой.

Морозов хмыкнул.

- Вот это и есть личная связь, влияющая на действия. Мужик полезен.

Паша наконец поднял глаза.

- Я это и пишу.

Надя подошла к нему.

На листе было написано ровным почерком:

«Подтверждаю, что Климова Н. А. в ряде эпизодов действовала вне установленной процедуры. Уточняя: указанные действия совершались в условиях, когда установленная процедура была использована для сокрытия, искажения или задержки сведений. Подтверждаю факт. Не подтверждаю трактовку о недостоверности источника».

Ниже он начал вторую строку:

«Подтверждаю наличие личной связи. Не подтверждаю, что сама по себе связь делает сведения недостоверными».

Надя прочитала и ничего не сказала.

Молчание было слишком личным для подвала Морозова.

Морозов тоже прочитал, но сделал вид, что смотрит в монитор. Потом сказал:

- Красиво. Почти не тошнит.

- Спасибо, - сказал Паша.

- Не за что. Я бы добавил мат, но форму может перекосить.

Надя вернулась к делу.

- Нам нужна Козлова.

- Адрес есть, - сказал Паша.

- Поедешь?

- С тобой.

- Не надо.

- Надя.

Она посмотрела на него. В этом коротком взгляде было всё, что Волкова хотела бы разложить по пунктам. Личная связь. Влияние. Риск. Недостоверность. Чужая форма уже стояла рядом и ждала.

- Поедем, - сказала Надя. - Только не будь полезным больше, чем нужно.

- Сложно.

- Учись.

Марина Козлова жила на Лиговском, в доме с тёмной аркой и магазином дешёвой одежды на первом этаже. Дверь открыла женщина лет тридцати пяти, слишком худая для своего широкого свитера. Волосы мокрые, будто она недавно мыла голову и не досушила. На шее красное пятно от нервного расчёсывания.

Увидев Надю, она сразу сказала:

- Я ничего менять не буду.

- Мы ещё ничего не попросили.

- Все что-то просят. Потом пишут, что я сама.

Паша показал удостоверение.

Марина посмотрела на него дольше, чем нужно, потом отступила.

Квартира была маленькая, с детскими рисунками на холодильнике. На одном листе кривой дом, солнце и женщина с ребёнком. Мужчины на рисунке не было.

- Ребёнок где? - спросила Надя.

- У сестры.

- Общий с Егором?

Марина напряглась.

- Нет. После.

- Вы подписали, что мужчина в больнице может выдавать себя за Егора.

- Потому что он может.

- Почему?

Марина села на край стула, не предлагая им садиться.

- Егор умел быть разным. Сегодня нормальный, завтра с глазами, будто тебя не видит. Он мог прийти ночью и требовать старый телефон. Мог сказать, что ему нужно «вернуть роль». Мог стоять под дверью и молчать. Я его боялась.

- Это правда?

- Да.

- Мужчина в больнице - Егор?

Марина сжала руки.

- Я не знаю.

- В заявлении вы уверены.

- В заявлении я подтвердила, что боюсь.

- А написали?

- Что он может выдавать себя. Мне сказали, это безопасная формулировка.

Паша тихо спросил:

- Кто сказал?

Марина посмотрела на него, и на лице её появилась странная смесь облегчения и стыда.

- Елена Аркадьевна. Она сказала, что я не обязана снова становиться жертвой его хаоса. Что я имею право защитить себя. И ребёнка. И что если это не Егор, я помогу не пустить опасного человека в семью. А если Егор... - она запнулась. - Если Егор, то ему сначала нужна помощь, а не доступ к людям.

Волкова снова не врала. Она просто давала страху хорошую осанку.

- У вас остались его вещи? - спросила Надя.

- Нет.

Паша посмотрел на стол. Там лежал старый телефон без задней крышки. Марина заметила взгляд и быстро положила на него ладонь.

- Это мой.

- Я не спрашивала, - сказала Надя.

- Но спросите.

- Тогда зачем ждать?

Марина закрыла глаза.

- Он оставил его у меня. Давно. Сказал: «Если начнут спрашивать, скажи, что разбила». Я не разбила. Потом с него иногда приходили уведомления. Я думала, глюки. Потом Елена Аркадьевна сказала, что лучше передать устройство для исключения рисков. Я не передала.

- Почему?

- Потому что она была слишком вежливая.

Надя почти улыбнулась.

- Хороший критерий.

Марина отдала телефон не Наде. Паше. Как мужчине с удостоверением. Как человеку, которому безопаснее доверить кусок опасного прошлого. Волкова была права: люди выбирали, кому поверят, до того как узнавали факты.

Паша взял телефон через салфетку.

Экран был треснут. На задней стороне под прозрачной наклейкой виднелась выцветшая метка: EGOR-M3.

Надя посмотрела на Марину.

- Вы только что изменили заявление.

- Нет.

- Да. Раньше вы подтвердили страх. Сейчас подтвердили устройство.

Марина побледнела.

- Меня за это посадят?

- Не за это.

- Обнадёжили.

- Это у меня такая социальная функция.

Паша убрал телефон в пакет.

На лестнице, уже у выхода, Надя спросила:

- Почему вы всё-таки не отдали Волковой?

Марина стояла в дверях, держась за косяк.

- Потому что она сказала: «Мы просто хотим закрыть ваш контакт с ним безопасно». А я вдруг поняла, что она не про дверь. Она про человека.

Дверь закрылась.

На улице моросил дождь. Паша молча держал пакет с телефоном. Внутри лежал старый номер, доверенное устройство и кусок человека, который слишком долго продолжал подтверждать после исчезновения.

Надя посмотрела на экран своего телефона.

Сообщение от Морозова:

«Снегирёва нашлась. Плохо. Адрес скинул Рите. Езжай».

Второе сообщение пришло через секунду.

«И не говори Асе первой. Там будет мясо без мяса».

Глава 8. Тамара Львовна

Тамара Львовна Снегирёва жила в старом доме у Обводного, где окна первого этажа смотрели почти в серую воду, а машины во дворе стояли так близко друг к другу, будто жильцы давно сдались и парковали уже не автомобили, а раздражение. Подъезд пах сырой штукатуркой, кошачьим кормом, дешёвым табаком и чем-то сладким, аптечным, как сироп от кашля, пролитый на пыль.

У двери квартиры стояли двое в форме и соседка в вязаной кофте. Соседка говорила много, быстро, с тем особым удовольствием испуга, когда человек ещё не понял, что рядом умер кто-то настоящий, и пользуется событием как правом быть главным.

- Я ей утром стучала, потому что вода у меня снизу потекла, а она не открыла. Она вообще последнее время странная была, всё ходили к ней, то курьеры, то какие-то с папками. Я давно говорила, человек один живёт, мало ли...

Надя услышала «давно говорила» и уже знала, что эта женщина в протоколе круга найдёт себе строку без труда.

Паша показал удостоверение. Один из сотрудников узнал его, поморщился, но пропустил.

- Там Корнеева, - сказал он. - Уже всех построила.

- Значит, живая, - сказала Надя.

- Кто?

- Корнеева.

Сотрудник не понял, и это было к лучшему.

Квартира Тамары Львовны оказалась чистой до неприятного. Не богатой, не уютной, а именно чистой. Как у людей, которые после работы с чужими документами приходят домой и пытаются доказать хотя бы мебели, что порядок существует. В прихожей стояли две пары обуви, обе носами к стене. На крючке висела светлая сумка. На тумбочке - ключи, квитанция за электричество, маленькая упаковка влажных салфеток.

Рита была в комнате. Без халата, в тёмном свитере, с волосами, убранными кое-как. Она сидела на корточках возле тела и выглядела так, будто её разбудили не звонком, а оскорблением.

Тамара Львовна лежала у кухонного проёма. Невысокая женщина лет шестидесяти, в домашнем платье и шерстяных носках. Одна рука вытянута вперёд, пальцы сжаты, как будто она пыталась удержаться за воздух. На полу рядом перевёрнутый пластиковый стакан. Вода растеклась тонкой лужей и уже подсохла по краям.

- Официально? - спросила Надя.

Рита не подняла головы.

- Официально предварительно естественная смерть, возможное острое сердечное, падение, удар при падении, возраст, давление, одинокая женщина, спасибо, все свободны.

- А неофициально?

- Неофициально меня уже бесит эта квартира.

Паша остановился у дверного косяка.

- Следы борьбы?

- Не кино. Тут никто стулья не ломал и шторы не рвал. Но она не просто шла на кухню и умерла. Она пятится. Смотри.

Рита показала на пол.

Надя присела. На линолеуме были еле заметные смазанные следы носков. Не шаги человека, который падает вперёд. Скорее короткое отступление, пятками, назад, к кухне. На косяке - след от пальцев. Не кровь. Просто жирный отпечаток, сорванная пыль.

- Она кого-то не хотела впускать? - спросила Паша.

- Или уже впустила и потом не хотела выпускать. Или боялась подойти к двери. Тело не рассказывает сюжет, Лазарев. Тело показывает, где человек перестал справляться.

Надя посмотрела на дверь. Цепочка не сорвана. Замок цел.

- Вскрывали?

- Нет. Ключ был у соседки. Она, кстати, очень рада, что у неё ключ. Прямо расцвела, как плесень.

Из коридора донёлся голос соседки:

- Я не пользовалась! Она сама оставила, мало ли давление!

Рита повысила голос:

- Вас никто не спрашивал!

Соседка замолчала на три секунды. Потом начала шептать сотруднику уже тише.

На столе в комнате стоял ноутбук. Закрытый. Рядом - стопка папок, старый принтер с открытым лотком, два напечатанных листа. Один лист лежал ровно. Второй был смят и брошен в мусорное ведро, но промахнулся и остался рядом.

Паша надел перчатки и поднял ровный лист.

- Надя.

Она подошла.

Это было уведомление о подтверждении.

Снегирёва Тамара Львовна.

Внешний источник: учтён.

Сведения по субъекту Мальцев Е. С.: связь не подтверждается.

Комментарий: заявитель Мальцева А. С. ранее предоставляла сведения о нестабильности субъекта, может быть эмоционально вовлечена, достоверность требует ограничения.

Время отправки: 08:42.

- Когда умерла? - спросила Надя.

Рита посмотрела на часы, потом на тело.

- Очень грубо - между девятью и одиннадцатью. Точнее скажу после нормального осмотра, если мне дадут не только посмотреть, но и поработать.

- За час до смерти она успела подтвердить, что не знает Егора.

- А знала?

Паша достал фотографию, которую Ася принесла в первой папке. Корпоративный шатёр, пластиковый стакан, мокрая куртка на плечах Егора, Тамара Львовна рядом.

Рита взяла фото, посмотрела.

- О, как мило. Труп теперь ещё и врёт через принтер.

- Не труп, - сказала Надя. - Кто-то от её имени.

- Не торопись. Может, сама. Люди перед смертью делают много идиотского. Особенно если их правильно напугать.

Надя посмотрела на смятый лист у мусорного ведра.

- А это?

Паша поднял.

Лист был той же формы, но другой текст. Не отправленный, возможно черновик.

«Прошу учесть, что Мальцев Е. С. ранее работал со мной в группе обработки подтверждений. Личность заявленного мужчины требует дополнительной проверки, сведения Мальцевой А. С. не могут быть исключены только на основании эмоциональной связи. Перечень лиц, участвовавших в актуализации круга, готова предоставить лично».

Внизу не было подписи. Только пустое место, где она должна была стоять.

- Она хотела выйти, - сказал Паша.

- Хотела, - ответила Надя. - И не вышла.

Рита поднялась, потянула спину и посмотрела на кухонный проём.

- У неё на правой ладони микрассадины. На ногтях грязь, но не подъездная. Крошка какая-то, возможно бумага, возможно край картонки. На локте свежий синяк. Не смертельно. Но человек перед падением за что-то цеплялся или закрывался. И ещё.

Она подошла к телу и осторожно, почти нежно, развернула кисть.

На внутренней стороне запястья была тонкая красная полоса. Не порез. След давления, как от резинки, ремешка или чужой хватки.

- Это что? - спросил Паша.

- Пока «это что». Не делай из «это что» подозреваемого, у нас и так тут очередь.

Надя подошла к ноутбуку.

- Морозов нужен.

- Морозов уже матерится в машине, - сказала Рита. - Я ему адрес скинула. Он спросил, есть ли лифт. Я сказала: «Нет». Он ответил, что ненавидит мёртвых за отсутствие инфраструктуры.

В коридоре заскрипели ступени. Через минуту появился Морозов с рюкзаком, в куртке, на которой дождь собрался мелкими точками. Он вошёл, увидел тело, ноутбук, принтер и сразу стал злее.

- Не трогали?

- Мы руками ели с него суп, - сказала Рита. - Конечно не трогали, гений.

- Я не тебе.

- А мне приятно.

Морозов сел к столу, достал перчатки, подключил внешний накопитель, посмотрел на Надю.

- Если ноут сейчас скажет, что всё чисто, я уйду в лес.

- В Петербурге нет леса.

- Тогда в МФЦ. Там меня точно никто не найдёт.

Пока он работал, Надя вышла в коридор к соседке.

Та сразу выпрямилась.

- Я ничего не знаю.

- Поэтому вы говорите уже десять минут.

Соседка поджала губы.

- Я хотела помочь.

- Помогайте. Кто приходил к Снегирёвой вчера?

- Женщина была. Такая... приличная. В светлом. Не молодая, не старая. Говорили тихо.

Я мусор выносила.

- Волкова?

- Я фамилий не спрашиваю.

- Зато ключи берёте.

Соседка обиделась.

- Тамара сама оставила. У неё давление. Я ей продукты иногда покупала.

- Что слышали?

- Ничего. Только Тамара сказала: «Я не буду это подтверждать». А та ей: «Вы подтверждаете только то, что было». Потом дверь закрыли.

Надя почувствовала, как фраза Волковой снова села на кожу.

- Во сколько?

- Вчера около семи. Может, позже. Сериал уже начинался.

- Сегодня утром кто был?

Соседка замялась.

- Курьер.

- Какой?

- Не знаю. С рюкзаком. Или не курьер. Сейчас все с рюкзаками. Позвонил, она открыла. Я услышала цепочку. Потом тихо было.

- Лицо видели?

- Капюшон. Руки только. Перчатки тёмные.

- Что в руках?

- Пакет бумажный. Как из аптеки.

Надя вернулась в комнату.

Морозов уже не матерился. Это было хуже.

- Что? - спросила она.

Он повернул к ней ноутбук.

- Отправка в 08:42 настоящая. С её учётки. Пароль введён правильно. Второй фактор подтверждён через старый резервный канал.

- Чей?

- Сейчас будет смешно.

- Не будет.

- Через контакт, привязанный к группе обработки подтверждений. Метка устройства - EGOR-M3.

Паша медленно поднял голову.

Телефон из квартиры Марины, лежавший у него в пакете, будто стал тяжелее.

- Он же у нас, - сказал он.

- Сейчас - да. Утром - нет. Или второй такой же. Или сессия была поднята раньше. Или кто-то использовал сохранённый токен. Не начинайте смотреть на меня так, я не волшебник. Я говорю, что цепочка ведёт к роли Егора, а не к живому Егору.

- Чужой Егор подтвердил Снегирёву? - спросила Надя.

- Нет, - сказал Морозов. - Хуже. Чужой Егор помог ей подтвердить, что она не знает настоящего Егора.

Рита тихо сказала:

- Вот это уже мерзко даже для вас, цифровых.

Морозов не ответил.

Надя смотрела на тело Тамары Львовны. Женщина лежала у кухонного проёма, вытянув руку, будто пыталась дотянуться до места, где ещё можно было передумать.

На её столе лежали два листа.

Один говорил правду формы.

Второй пытался вернуть контекст.

Победил первый.

Пока.

Телефон Паши завибрировал. Он достал, посмотрел и стал очень спокойным.

- Волкова?

Паша кивнул.

- Просит уточнить мой ответ. Пишет, что контекст принят, но требуется отдельное подтверждение факта личной связи.

- Не отвечай сейчас, - сказала Надя.

- Я знаю.

- Нет, не знаешь.

Он посмотрел на неё.

Надя вдруг поняла, что сейчас хочет сказать ему не как напарнику, не как следователю, не как внешнему подтверждающему. Как человеку, которого система уже держит за живое место и ждёт, когда оно станет строкой.

- Они будут добирать не твой ответ, - сказала она. - Они будут добирать тебя.

Паша убрал телефон.

- Тогда пусть стоят в очереди.

Из кухни донёлся тонкий звук. Капала вода из перевернутого стакана, последняя капля сорвалась с края и упала на линолеум.

Рита посмотрела туда.

- Вот и всё, - сказала она. - Даже стакан подтвердил, что был тут.

Надя вышла к окну. Во дворе серела вода Обводного. По ней медленно шла рябь от дождя, и казалось, что город сам подписывает что-то мелким, неразборчивым почерком.

Внизу у подъезда стояла Ася.

Без зонта.

Кто-то уже ей сказал.

Глава 9. Два листа

Ася стояла у подъезда Снегирёвой и не заходила внутрь.

Дождь делал с ней то, что обычно делал с людьми без зонта в Петербурге: не мочил сразу, а постепенно стирал контуры. Волосы прилипли к вискам, воротник пальто потемнел, на лице не было слёз. Только губы стали серыми, как у человека, который очень долго держал рот закрытым, чтобы не сказать лишнее.

Надя увидела её из окна и не сразу пошла вниз. Сначала посмотрела на тело Тамары Львовны, на два листа у стола, на Риту, которая складывала в пакет смятый черновик и материлась себе под нос так тихо, что это уже было не матом, а способом дышать.

- Пойду, - сказала Надя.

Рита не обернулась.

- Не гладь её по голове.

- Не планировала.

- И не бей сразу. У неё вид человека, который уже что-то сделал.

Надя посмотрела на неё.

- Видно?

- Я трупы читаю, Надь. Живые тоже иногда крупным шрифтом.

Паша стоял у принтера и проверял лоток. Внутри застрял край ещё одного листа, пустого сверху, с серой полосой по нижнему краю. Принтер умер на середине печати или его выключили. На экране ноутбука горело системное окно: «Документ не отправлен. Повторить?»

- Не трогай, - сказала Надя.

- Я и не трогаю.

- Ты уже дышишь на него процессуально.

Паша чуть отступил.

Соседка в коридоре снова начала объяснять сотруднику, что она к Тамаре Львовне относилась хорошо, потому что кто ещё купит одинокой женщине молоко, если не соседка. Сотрудник слушал с лицом человека, который мечтал о простом убийстве с ножом, свидетелем и понятным мотивом. Здесь вместо ножа были два листа и кнопка подтверждения. Это раздражало.

Надя спустилась во двор.

Ася подняла глаза только тогда, когда Надя подошла почти вплотную.

- Её правда убили? - спросила она.

- Я не знаю.

- Но умерла из-за нас.

- Это разные вещи.

Ася усмехнулась. Без звука.

- Вы всегда так делите, чтобы можно было работать?

- Нет. Чтобы не врать раньше времени.

Ася посмотрела на окна первого этажа. В одном из них двигались тени. Рита, Паша, сотрудники. Чужие люди вокруг чужой смерти, которая уже начала становиться документом.

- Она мне звонила, - сказала Ася.

Надя молчала.

- Вчера. Не утром. Вечером. С номера, которого у меня не было. Сказала, что она Тамара Львовна. Что работала с Егором. Что раньше ничего не скажет, потому что её тоже «взяли в круг». Я подумала, что это ловушка.

- И?

- И она сказала: «Я не буду это подтверждать».

Фраза села между ними влажным листом. Та же, которую слышала соседка. Та же, после которой Тамара Львовна закрыла дверь и утром напечатала чужую правду.

- Почему вы не сказали? - спросила Надя.

Ася сглотнула.

- Потому что она попросила не приезжать и не звонить вам. Сказала, что сначала должна «убрать Список». Я не поняла, какой список. Потом она сказала... - Ася замолчала.

- Дальше.

- «Если я не успею, скажи Климовой, что у Егора не было одного лица. У него были роли». И ещё: «Не верь первой подписи Анны». Я испугалась.

Надя почувствовала, как внутри что-то тихо щёлкнуло.

- Анны?

- Она так сказала.

- Это вы.

- Я знаю.

- Запись есть?

Ася отвела взгляд.

Надя уже поняла. Не полностью, но достаточно.

- Что вы сделали?

- Удалила.

Дождь постукивал по козырьку подъезда. На асфальте собиралась мутная вода, в ней плавал окурок с красным фильтром.

- Зачем?

- Потому что там было моё имя. Потому что она сказала про первую подпись. Потому что если Волкова увидит, что Тамара Львовна говорила со мной, она скажет, что я давила. Что я эмоционально вовлечена. Что я испортила источник. Она и так это скажет. Я подумала, если записи нет, может...

- Может, смерти тоже нет?

Ася резко посмотрела на неё.

Надя не отвела взгляд.

- Вы уничтожили возможное доказательство.

- Я испугалась.

- Отлично. Это у вас семейный способ подписывать бумаги.

Ася побледнела.

На секунду Надя услышала собственный голос со стороны. Сухой, точный, рабочий. Взяла страх, отрезала от него причину и положила на стол как факт. Волкова бы одобрила. Возможно, даже сказала бы мягко: «Вы правильно сформулировали».

Ася сказала тихо:

- Вы сейчас не лучше неё.

- Сегодня у меня с этим проблемы.

- Вы думаете, я не понимаю? Я понимаю. Я видела запись, удалила, потом хотела восстановить, потом боялась трогать телефон. Я стояла у метро двадцать минут и не могла решить, идти к вам или к ней. Потом позвонила Тамаре Львовне ещё раз. Номер уже не отвечал.

- Телефон у вас?

Ася протянула аппарат. Рука дрожала, но не сильно. Она уже не пыталась выглядеть собранной, и от этого стала менее удобной для любой формы.

Надя взяла телефон в платок.

- Вы понимаете, что теперь всё, что вы скажете, будут читать через это?

- Да.

- И всё, что я скажу, тоже.

Ася кивнула.

- Поэтому я пришла. Не наверх. Сюда. Я не хотела входить к ней в квартиру как человек, который опоздал и ещё испортил запись.

- Вы уже вошли в дело как человек, который испортил запись.

Ася закрыла глаза.

- Я знаю.

Надя посмотрела на дверь подъезда. За стеклом виднелась соседка. Она стояла чуть в стороне и, судя по движению губ, уже рассказывала кому-то по телефону, что сестра того самого мужчины приехала без зонта, вся странная, и с Климовой разговаривает почти как обвиняемая.

- Пойдёмте наверх, - сказала Надя.

- Зачем?

- Чтобы вы подтвердили факт. Не мою тракторку.

Ася усмехнулась почти зло.

- Это ваша новая молитва?

- Нет. Это пока единственная палка, которой можно бить по их стеклу.

В квартире Тамары Львовны стало теснее, когда Ася вошла. Не физически. Просто воздух сразу получил родство с умершей, и все предметы перестали быть чужими: стакан, принтер, папки, две пары обуви, светлая сумка на крючке. До этого Тамара Львовна была телом и источником. Теперь она стала человеком, которому звонили и не успели ответить.

Рита посмотрела на Асю один раз и ничего не сказала. Это было милосердием в форме молчания, редкой у Корнеевой.

Паша взял телефон Аси в пакет.

- Запись удалена, - сказала Надя. - Сама сообщила.

Ася не стала спорить.

Морозов ответил на звонок с третьего раза. По голосу было понятно, что он уже кого-то ненавидит.

- Что у вас?

- Телефон Аси. Удалённая голосовая от Снегирёвой. Вчера вечер.

- Конечно. Потому что живые люди не могут просто принести рабочее доказательство, им надо сначала поводить им по асфальту, утопить в луже и назвать это «я испугалась».

Ася услышала. Не вздрогнула.

- Заберёшь?

- Передайте через Лазарева. И не обещайте, что восстановлю. Я не церковь.

- Никто тебя с церковью не путал.

- Спасибо, хоть где-то порядок.

Он отключился.

Паша положил пакет в отдельный прозрачный файл и сделал пометку. Аккуратно. Слишком аккуратно. Волкова любила бы такую аккуратность, если бы не ненавидела людей, которые используют её против неё.

- Что с черновиком? - спросила Надя.

Паша протянул копию смятого листа.

Текст обрывался на середине фразы:

«Прошу учесть, что Мальцев Е. С. ранее работал со мной в группе обработки подтверждений. Личность заявленного мужчины требует дополнительной проверки, сведения Мальцевой А. С. не могут быть исключены только на основании эмоциональной связи, так как...»

Дальше пусто.

Второй лист, отправленный, был закончен и ровен:

«Связь не подтверждается».

Ася смотрела на оба листа как на два разных способа убить человека.

- Она передумала, - сказала она.
- Она попыталась передумать, - поправила Рита. - Разница, к сожалению, судебно-медицинская.
- Её заставили отправить первый?
- Не факт, - сказала Надя.
Ася подняла голову.
- Как это?
- Она могла сама отправить. Под давлением, после разговора, из страха, думая, что успеет потом уточнить. Или ей помогли. Или использовали её учётку. Нам нельзя сейчас брать удобный вариант только потому, что он красивее.
- Красивее?
- Да. «Её убили за правду» красивее, чем «она испугалась, подписала, потом умерла, не успев исправить». Но второе чаще бывает настоящим.
Рита хмыкнула.
- Добро пожаловать в профессию. Тут даже трагедии иногда бытовые, как бахилы.
Паша подошёл к ноутбуку.
- Есть ещё одно. В истории печати до этих двух документов был запрос на файл «список_узлы_старый.docx». Открыт в семь пятьдесят восемь. Не напечатан. Файла на рабочем столе нет.
- Удалён?
- Или на внешнем носителе. Или в облаке. Или название осталось в кэше. Морозов скажет точнее и будет очень противно.
Надя посмотрела на Асю.
- «Список».
Ася провела ладонью по мокрым волосам.
- Она сказала «убрать Список». Я думала, это список людей, которым звонить.
- Возможно.
- А возможно?
- Возможно, это список тех, кто держал Егора по кускам.
У окна что-то щёлкнуло. Соседка, не выдержав, попыталась заглянуть через приоткрытую дверь из коридора. Рита повернулась так быстро, что женщина отступила.
- Ещё раз нос сунете, я вас внесу в список естественных причин раздражения.
Дверь прикрыли.
На полу у кухонного проёма высыхала лужа от стакана. Вода оставила вокруг себя бледный контур, похожий на карту маленькой страны, которую уже никто не признавал.
Надя взяла оба листа и положила рядом.
Правда формы.
Попытка контекста.
Между ними лежала смерть Тамары Львовны Снегирёвой, которую пока тоже пытались подтвердить как естественную.

Глава 10. Мы давно замечали

Домовой чат назывался «Обводный 118 уютный дом», и это было первое враньё.

Уюта в доме не было. Были мокрые стены, почтовые ящики с выломанными дверцами, запах сырого картона у мусоропровода и лампа на первом этаже, которая мигала так, будто не могла решить, освещать ли чужую смерть. Но чат назывался уютным. Люди любили давать местам имена, чтобы не отвечать за то, как они выглядят.

Паша вывел переписку на экран телефона. Соседка в вязаной кофте стояла рядом и делала вид, что не читает через его плечо, хотя читала с жадностью человека, который сам написал половину сообщений.

«Соседи, осторожно, опять ходят по поводу Мальцева».

«Это тот, который документы какие-то мутил?»

«Знающие люди подтвердили, что там опасная история».

«Тамару жалко, но она сама всех пускала».

«Я давно замечала, к ней странные приходили».

«А Климова эта кто такая? Частная? Может, мошенники?»

«Сестра у него нервная, мать сама говорила».

«Не открывайте никому».

Надя читала молча. Такие тексты всегда были хуже прямой клеветы. В прямой клевете есть тело: человек сказал, человек соврал, человек отвечает. Здесь работала плесень. «Давно замечала». «Знающие люди». «Сама говорила». Вроде никто ничего не утверждал, а человек уже становился опасным пятном на подъезде.

Суханов приехал через двадцать минут после звонка Паши. Вошёл в подъезд, посмотрел на лампу, на соседку, на мокрый коврик и сказал:

- Опять хорошее пение.

Соседка сразу вытянулась.

- Я всё рассказала.

- Это вы зря.

- Почему это?

- Потому что люди, которые всё рассказали, обычно потом начинают рассказывать другое.

Она обиделась.

- Я помогала Тамаре.

- Помогали чем?

- Молоко покупала. Таблетки. Ключ у меня был.

- Кто знал, что ключ у вас?

Соседка открыла рот и закрыла. Первый полезный момент за утро.

Суханов кивнул Паше.

- Запиши.

- Пишу.

- Кто знал?

- Ну... Тамара знала.

- Она умерла, Александра...

- Геннадьевна.

- Мне легче не стало. Кто ещё?

Александра Геннадьевна потеряла край кофты.

- В чате писала. Когда она болела. Что если что, ключ у меня. Чтобы соседи знали.

Надя закрыла глаза на секунду.

- В общем чате?

- Ну да. А что? Мы же дом.
- Дом, - сказал Суханов. - Прямо крепость.

Паша пролистал переписку выше. Сообщение было трёхмесячной давности: «Если Тамара Львовна не откроет, ключ у меня. Не ломайте дверь сразу». Под ним смайлик с сердечком и три ответа: «Спасибо», «добрая душа», «вот бы все так».

- Курьер сегодня звонил? - спросила Надя.
- Я не знаю, курьер или нет.
- Вы сказали «курьер».
- Сейчас все с рюкзаками. Я так сказала, для понимания.
- Для чьего?

Соседка снова обиделась.

- Девушка, я не преступница.
- Пока вы источник, - сказал Суханов. - Это хуже. Преступник хотя бы понимает, что делает.

Паша посмотрел на него. Суханов не отреагировал. Он был зол, но не на соседку одну. На чат, на ключ, на удобную доброту, на старую привычку людей оставлять друг другу доступы и потом удивляться, что кто-то вошёл.

- Что было в пакете? - спросил Паша.
- Я же говорила, бумажный. Как из аптеки.
- Цвет?
- Белый. Или серый. Мокрый был.
- Надпись?
- Не видела.
- Руки?
- Перчатки тёмные.
- Рост?
- Средний.

Суханов устало посмотрел на Пашу.

- Средний рост, тёмные перчатки, рюкзак, пакет. Петербург можно задерживать целиком.

Из квартиры вышла Рита.

- Целиком не надо. Где я столько мешков возьму?

Соседка побледнела.

- Там что, точно криминал?

Рита посмотрела на неё так, что Александра Геннадьевна сделала полшага назад.

- Там точно человек умер. Остальное выясняем.

- Я просто...

- Да все вы просто.

Рита повернулась к Наде.

- Предварительно: внешне без яркой травмы, но есть мелочи. На запястье следы сдавливания, не грубые, будто удерживали или сама хваталась за что-то жёсткое. На внутренней стороне губы прикус. На пальцах пыль от косяка и какая-то бумажная дрянь, возможно от пакета. Сердце могло стать финалом, но не обязательно началом. В морг забираем, там скажу больше.

- Уколы?

- С первого взгляда нет. Но если кто-то решил поиграть в тихую аптеку, я посмотрю. И если найду, буду рада. Не как человек, как злая сука с микроскопом.

Суханов кивнул.

- Давай.

Рита ушла обратно.

Александра Геннадьевна вдруг тихо сказала:

- Она боялась.

Надя повернулась.

- Кто?

- Тамара. Не вчера. Раньше. Месяц, может. Сказала, что иногда лучше подтвердить плохое, чем потом отвечать за чужое. Я не поняла.

- Кому сказала?

- Мне. На лестнице. Я спросила, чего она такая. Она сказала, работа.

- Про Егора говорила?

- Про какого Егора? Нет. Только раз сказала: «Они теперь не людей считают, а кто за кого поручится». Я подумала, пенсия, соцзащита, всё такое.

Суханов достал сигареты, посмотрел на знак «не курить», убрал обратно.

- Вот оно и есть. Всё такое.

Надя попросила Пашу переслать ей переписку чата. Он сделал это с отдельного служебного канала, сухо, без комментариев. Каждое сообщение было маленьким подтверждением без адреса. В сумме они давали очень простую версию: Тамара Снегирёва была одинокой, странной, открывала дверь неизвестным, работала с мутными людьми и, возможно, сама виновата, что рядом с ней случилось что-то плохое.

Версия строилась быстрее протокола.

У подъезда стояла Ася. Она не поднималась обратно после того, как отдала телефон. Рядом с ней курила молодая женщина с коляской. Женщина не знала Асю, но уже говорила ей голосом районной осторожности:

- Вы, главное, не переживайте. У нас тут давно все понимали, что с Тамарой Львовной что-то не то.

Ася смотрела на неё пусто.

- Она умерла сегодня.

- Ну я и говорю, жалко. Просто когда человек один и к нему ходят всякие...

Надя подошла.

- Какие всякие?

Женщина сразу потушила сигарету о мокрую урну.

- Я не знаю. Я с ребёнком.

- Ребёнок мешает видеть?

- Слушайте, я ничего плохого.

- Конечно.

Женщина покатила коляску быстрее, чем нужно. Колесо застряло в ямке, она нервно дёрнула, коляска подпрыгнула. Ребёнок внутри заплакал. Женщина шикнула на него так резко, будто это он сказал лишнее.

Ася тихо спросила:

- Они теперь и Тамару Львовну так соберут?

- Уже собирают.

- Одинокая. Странная. Сама пускала.

- Да.

- А Егора - опасный. Нестабильный. Сам пропал.

- Да.

- А меня?

Надя не ответила сразу. На телефоне Аси всплыло новое уведомление из того же домашнего чата, уже пересланное кем-то из общих районных групп:

«Внимание. Ходят люди по квартирам, представляются частными расследователями. Связаны с историей мужчины без подтверждённой личности. Будьте осторожны, не давайте сведения без официального запроса».

Ниже кто-то добавил:

«Это, кажется, та самая Климова, про которую писали после дела свидетелей».

Ссылка не открылась с первого раза. Связь провалилась, и телефон показал серый кружок загрузки. Правда застряла на одной галочке, а грязь уже пошла дальше.

Суханов подошёл сзади, прочитал через плечо и тихо сказал:

- Быстро.

- Слишком, - сказала Надя.

- Не слишком. Правильно. Они не ждут протокол. Они делают среду.

Паша вышел из подъезда с пакетом документов. Лицо у него было ровное, но Надя уже знала этот ровный вид. Он держался.

- Что?

- По Тамаре Львовне уже ушёл запрос на характеристику от соседей, - сказал Паша. - Не от нас. Из районного. С формулировкой: «в связи с уточнением обстоятельств смерти и возможным влиянием третьих лиц».

Суханов выругался.

- Кто подписал?

- Старший участковый Сергеев.

- Знаю. Усталый исполнитель. Любит, чтобы бумага лежала ровно.

- Там ещё пункт, - сказал Паша. - «Подтвердить, посещала ли Снегирёву Т. Л. Мальцева А. С. либо иные лица, представлявшие от её имени».

Ася закрыла глаза.

- Я не была у неё.

- Теперь это надо подтвердить, - сказал Паша.

Суханов посмотрел на подъезд.

- Характеристика - это такая бумага, Климова. Пишешь пять минут, а человек потом всю жизнь из неё вылезает.

Надя вспомнила, сколько таких строк сама читала когда-то почти автоматически. «К сотрудничеству не расположен». «Склонен к конфликтному поведению». «Контактов не поддерживает». «По месту жительства характеризуется отрицательно». Слова были дешёвые. Работали дорого.

Телефон Паши завибрировал.

Он достал, прочитал и показал Наде.

Запрос от Волковой:

«Павел Игоревич, благодарю за уточнение. Просим отдельно подтвердить, что Климова Н. А. продолжила работу с Мальцевой А. С. после получения сведений об уничтожении последней возможного доказательства. Важно для оценки влияния личной позиции Климовой Н. А. на отбор источников».

Паша смотрел на экран дольше, чем требовалось.

- Она права, - сказал он.

Ася резко подняла голову.

Надя молчала.

- Формально, - добавил Паша. - Она права формально.

Суханов тихо хмыкнул.

- Вот и начинается нормальная грязь.

Надя посмотрела на мокрую арку, на чат в телефоне, на подъезд, где соседка уже кому-то рассказывала, что следователь Лазарев сам сказал «формально права».

Круг не нужно было собирать в кабинете.

Он уже стоял во дворе и грел руки вокруг чужой смерти.

Глава 11. Удалённое

Морозов взял телефон Аси двумя пальцами, будто ему передали дохлую птицу.

- Я люблю людей, - сказал он. - Особенно когда они сначала удаляют запись, потом говорят «а можно вернуть», потом смотрят на меня так, будто я акушер для мёртвых файлов.

Ася стояла в подвале у двери. После квартиры Снегирёвой её привезли не к Наде в офис, а сразу к Морозову. Надя решила, что в офисе слишком много окон и слишком мало злости. У Морозова хотя бы злость была профессиональной.

- Я не прошу чуда, - сказала Ася.

- Все так говорят. Потом обижаются на отсутствие свечения.

Он подключил телефон к отдельному ноутбуку, не к основному. На столе лежали зелёная карта-пропуск, старый телефон EGOR-M3, копии двух листов Снегирёвой, распечатки из домового чата и Пашин ответ Волковой. Если смотреть сверху, получалась не схема, а грязная россыпь чужих «да», «нет», «не знаю», «боялась», «не могу подтвердить».

Паша стоял у стены. Он уже отправил первый ответ. Волкова поблагодарила. Это слово теперь звучало как угроза.

- Сколько времени? - спросила Надя.

- До чего?

- До понимания, убили запись окончательно или нет.

- Надя, мы не в сказке. Я могу посмотреть следы: время удаления, размер файла, хвосты уведомлений, были ли пересылки, осталась ли копия в кэше. Содержимое... как повезёт. А везение у нас в этой серии обычно лежит лицом вниз в луже.

- Работай.

- Спасибо, я сам не догадался.

Он ушёл в экран.

В подвале было душно. Батарея под маленьким окном наконец решила работать и теперь грела так, будто компенсировала все холодные дни сразу. Пахло пластиком, пылью, кофе из автомата и мокрой шерстью от пальто Аси.

Ася смотрела на зелёную карту.

- Вы думаете, я вру?

- Я думаю, вы не всё говорите, - сказала Надя.

- Это разные вещи?

- Иногда.

- А сейчас?

Надя села напротив неё.

- Сейчас вы клиент, источник, участник и человек, который уничтожил запись. Удобного места у вас больше нет.

Ася кивнула. Приняла без обиды. Это было хуже. Обида дала бы ей человеческую форму, а сейчас она снова становилась сухой, собранной, опасно аккуратной.

- Тамара Львовна сказала «не верь первой подписи Анны», - напомнила Надя. - Какая подпись?

- Я не знаю.

- Ася.

- Я не знаю, какую она имела в виду.

- Тогда назовите все, которые могут подойти.

Ася провела пальцем по краю стола. На подушечке осталась серая пыль.

- Полтора года назад Егор сорвался. Не как раньше. Раньше он пил, пропадал, возвращался, говорил мерзости, просил денег, исчезал на неделю. Это было привычно, если можно

так сказать. Тогда всё было иначе. Он пришёл ко мне ночью. Без паспорта. В крови. Не своей, кажется. Сказал, что если ему будут звонить, я должна отвечать, что он не поддерживает со мной связи.

Паша поднял глаза.

- Почему?

- Сказал: «Если ты меня подтвердешь, они возьмут тебя». Я подумала, бред. Потом пришёл человек с документами. Не Волкова. Мужчина. Представился специалистом по сопровождению. Сказал, что у Егора проблемы, что его могут посадить за мошенничество с документами, но можно оформить внешнее сопровождение и временное ограничение доступа к распоряжению сервисами. Я не поняла половину слов. Он говорил так, будто если я не подпишу, брат умрёт быстрее.

- Вы подписали.

- Да.

- Что именно?

- Что Егор не поддерживает устойчивой связи с семьёй. Что может представлять риск при самостоятельном распоряжении документами. Что нуждается во внешнем сопровождении. Что сведения обо мне как о контактном лице могут использоваться только после дополнительной проверки.

Морозов, не отрываясь от экрана, сказал:

- Поздравляю. Вы сами себя вынесли из круга.

Ася закрыла глаза.

- Я думала, это спасает его.

- И, возможно, тогда спасло, - сказал Паша.

Надя посмотрела на него. Паша не смягчал. Он удерживал контекст раньше, чем форма успевала его отрезать.

Ася открыла глаза.

- Вы серьёзно?

- Да. В тот момент это могло быть меньшим злом.

- А сейчас?

- Сейчас меньшие зла выросли.

Морозов фыркнул.

- Прямо ботанический сад ада.

Надя продолжала смотреть на Асю.

- Почему не сказали сразу?

- Потому что я пришла к вам как единственная, кто его не предал.

- А оказались не единственная.

- Нет. Оказалась первой.

Тишина стала плотной. Даже Морозов перестал клацать клавишами на секунду.

Ася сказала это без театра. Просто положила на стол свою грязь и больше не пыталась держать её в рукаве.

- Документ есть? - спросила Надя.

- Копия была. Я не принесла.

- Где?

- Дома.

- Или уже нет?

Ася посмотрела на неё.

- Я хотела её убрать.

- Убрать куда?

- Сжечь. Порвать. Не знаю. Я достала её сегодня утром, когда ехала к Тамаре Львовне. Потом увидела сообщение про смерть и... оставила в машине.

- У вас машина?

- Каршеринг.

Морозов медленно повернулся.

- Скажите, что вы шутите.

- Нет.

- Вы оставили документ, который может быть ключевым подтверждением вашей роли в круге, в каршеринге?

- В бардачке. В папке. Я хотела вернуться.

Морозов снял очки.

- Я всё. Я уйду в лес. Там деревья хотя бы не подписывают согласия.

Надя уже набирала номер.

- Марка, номер, где оставили.

Ася продиктовала. Голос у неё стал деревянным.

Паша вышел звонить. Через минуту вернулся.

- Машину уже взяли.

- Кто?

- Аккаунт на имя Сергея Воронова. Поездка началась двадцать две минуты назад.

Направление - юг, потом пропала геолокация. Сервис говорит «техническая задержка передачи данных».

Морозов тихо сказал:

- Конечно. Когда надо продать подписку, геолокация летит как голубь. Когда у нас документ в бардачке, у них техническая задержка.

Ася села.

Надя не стала добивать. Сейчас это было бы слишком легко, а лёгкая жестокость почти всегда плохой инструмент.

- Вот теперь вы точно часть дела, - сказала она.

- Я знаю.

- Нет. Пока не знаете. Волкова сможет сказать: сестра скрыла старую подпись, уничтожила запись, вывезла документ через неустановленное лицо или потеряла его. И всё это будет правда.

Ася смотрела в пол.

- Что делать?

- Перестать выбирать за дело, что ему можно знать.

Морозов поднял палец.

- Есть хвост.

Все повернулись.

- По записи? - спросила Надя.

- По записи. Содержимое не обещаю, но уведомление осталось. Вчера двадцать один сорок три входящий аудиофайл, длительность сорок одна секунда. Отправитель не номер, а временный канал через старую учётку Снегирёвой. Имя файла странное: «uzel_4_ne_podtverzhdat». После прослушивания удалено вручную в двадцать два ноль семь. Потом ещё две попытки открыть удалённое. Потом телефон выключался на одиннадцать минут.

Ася тихо сказала:

- Я сидела на станции.

- Содержимое? - спросил Паша.

Морозов поморщился.

- Кусок. Очень грязный. Первые секунды пустые. Потом голос. Женский. Скорее всего Снегирёва. Фраза: «...не первая. Анна уже в основании. Список не у меня один». Потом шум. Потом: «Если он скажет Лида, не думайте, что это имя. Это вина». Всё.

Ася побледнела.

- Лида - это не имя?

- Имя тоже, - сказала Надя. - Но для Егора - вина.

Паша вернулся к стене. На его телефоне снова загорелось уведомление.

Он посмотрел и коротко выдохнул.

- Волкова?

- Да. Просит уточнить, располагаю ли я сведениями о действиях Мальцевой А. С., направленных на сокрытие или уничтожение материалов.

Ася закрыла лицо руками.

Морозов повернулся к Паше.

- Быстро, сука.

Паша не стал ругаться. Он смотрел на запрос так, будто тот был живым человеком и его нельзя было ударить без протокола.

- Я располагаю, - сказал он.

Надя молчала.

- И если ответу «нет», совру.

- Если ответишь «да», она получит Асю как недостоверную, - сказал Морозов.

- Поэтому ответу длинно.

Паша открыл поле комментария.

Надя увидела, как он пишет:

«Подтверждаю наличие указанных действий. Уточняю: действия совершены до разъяснения процессуального значения материалов, мотивированы страхом использования сведений против Мальцева Е. С., не исключают достоверности последующих пояснений Мальцевой А. С., требуют проверки, а не автоматического исключения источника».

Морозов прочитал через плечо.

- Ты скоро начнёшь писать так, что формы будут сами себя резать.

- Надеюсь.

Паша нажал «Отправить».

Кнопка моргнула синей рамкой и исчезла.

Где-то в системе его ответ уже стал частью круга.

Но в этот раз внутри него остался шип.

Глава 12. Лида

Лидия Николаевна Кудрявцева числилась умершей два года назад.

Не загадочно. Не красиво. Не так, чтобы дело само просилось на пересмотр. Справка, участковый врач, сердце, возраст, одинокое проживание, жалоб не поступало. В архивной карточке было всё, что делает смерть невидимой: правильные даты, правильные подписи, отсутствие конфликта, отсутствие наследственного спора, отсутствие лица, которому хватило бы сил спорить.

- Вот за это я и ненавижу хорошие документы, - сказал Суханов.

Они сидели не в отделе, а в маленькой комнате районного архива при социальной службе, куда Суханов вошёл с таким видом, будто здание само должно вспомнить, кто он. Здание не вспомнило, зато вспомнила женщина за стойкой. Суханов когда-то помогал её брату по делу с пропавшими выплатами. Или делал вид, что помогал. В любом случае папку Кудрявцевой им дали быстрее, чем должны были.

Комната пахла тонером, старой краской и дешёвым печеньем. На стене висел календарь с прошлым месяцем. Подоконник был заставлен папками, на каждой лежал слой пыли, аккуратный и почти служебный.

Надя открыла дело.

Лидия Николаевна Кудрявцева, пятьдесят девять. Работала библиотекарем, потом санитаркой, потом сиделкой без оформления. Сын - Дмитрий Кудрявцев, после травмы и психиатрического эпизода помещён в реабилитационный контур с ограниченным доступом. Мать пыталась подтвердить родство и право участия в решениях. Сведения не учтены.

Паша нашёл нужный лист.

«Связь формально не подтверждается. Заявитель эмоционально вовлечена, ранее предоставляла противоречивые сведения. Внешний подтверждающий Мальцев Е. С. указал на отсутствие устойчивого контакта субъекта с заявителем».

Надя посмотрела на подпись.

Мальцев Е. С.

Ровная. Уверенная. Не нынешний обрывочный Егор из больницы. Тот Егор ещё держал ручку как человек, который верит в форму.

- Он её убил этим? - спросил Паша.

- Нет, - сказал Суханов.

Надя подняла глаза.

- Почему так быстро?

- Потому что одной бумажкой не убивают. Ею открывают дверь, за которой человека потом долго и качественно не слышат.

Он сказал это слишком спокойно. Паша посмотрел на него, но не спросил. Суханов сам достал из папки другой лист и положил рядом.

Старая характеристика. Уже не по Кудрявцевой. По Дмитрию.

«По месту временного проживания характеризуется отрицательно. Склонен к вспышкам раздражения. Контакт с матерью дестабилизирует состояние. К сотрудничеству расположен частично. Сведения, сообщаемые матерью, проверке не поддаются».

Внизу была чужая подпись, не Суханова. Но Суханов смотрел на формулировки как на свои.

- Такими словами полстраны испачкано, - сказал он. - Пишешь быстро. Нормальные рабочие слова. Потом человек из них не вылезает.

- Вы писали такие? - спросил Паша.

- Конечно.

Надя не стала спасать его паузой.

Суханов усмехнулся без радости.

- Да не смотрите так. Не конкретно этого. Других. «Склонен». «Не расположен». «Контактов не поддерживает». «Может представлять». Всё вроде по делу. Всё вроде правда. Только правда без человека. А потом приходит такая Волкова, раскладывает это по папочкам, и получается, что человек сам виноват, что в него не поверили.

Паша снова посмотрел на подпись Егора.

- Он был внешним подтверждающим.

- Был.

- Почему ему поверили больше матери?

Надя перелистнула дело.

- Потому что он не родственник. Не эмоционально вовлечён. Сотрудник контура. Специалист по внешней верификации. Формально чистый.

Суханов коротко хмыкнул.

- Самый грязный человек в комнате обычно тот, кто формально чистый.

Надя нашла приложение к листу. Маленькая таблица: источники подтверждения. Сосед. Врач. Социальный работник. Внешний подтверждающий. Работодатель матери. Старый участковый. У каждого короткая строка.

Сосед: «Мать часто кричала на сына».

Врач: «Контакт с матерью вызывает возбуждение».

Социальный работник: «Заявитель конфликтна».

Работодатель: «Кудрявцева Л. Н. уходила с работы по личным обстоятельствам, эмоционально нестабильна».

Участковый: «Ранее обращалась с заявлениями, факты не подтвердились».

Мальцев: «Связь формально не подтверждается».

Все сказали что-то, что могло быть правдой.

Сын остался без матери.

Мать умерла с сердцем в справке.

- Где Дмитрий? - спросила Надя.

Женщина из архива, которая до этого делала вид, что их не слышит, вдруг перестала перекладывать папки.

Суханов повернулся к ней.

- Антонина Юрьевна.

- Я не знаю.

- Но вы знаете, что не знаете не просто так.

Она сняла очки, протёрла их салфеткой, надела обратно. Движение было мелкое, канцелярское, спасительное.

- После смерти Лидии Николаевны его перевели. Сначала в другой центр. Потом документы ушли через подрядчика. Потом запросы возвращались без сведений. Формально он совершеннолетний и вправе не сообщать местонахождение.

- Сам запросил? - спросила Надя.

- В деле есть электронное согласие на ограничение сведений для третьих лиц.

Паша тихо сказал:

- Он сам отказался от матери.

Антонина Юрьевна посмотрела на него.

- По документам - да.

- А по жизни?

- По жизни я видела Лидию Николаевну в коридоре. Она сидела на стуле три часа. Не кричала. Не скандалила. Просто держала пакет с яблоками и ждала, когда ей скажут, куда дели сына. Потом вышла на улицу и оставила яблоки у охраны.

Суханов отвёл взгляд.

Надя закрыла папку не сразу. Ей нужно было, чтобы лист с подписью Егора полежал открытым ещё несколько секунд. Не ради морали. Ради веса.

- Егор это помнит, - сказала она.

- Или не помнит, - сказал Паша.

- Помнит. Поэтому «Лида» на карте. Поэтому «Лида - это вина». Поэтому он говорит кусками. Куски у него точнее целого.

Телефон Паши завибрировал. Он посмотрел и сказал:

- Машина с документом Аси нашлась.

- Где?

- У метро «Московские ворота». Пустая. Бардачок открыт. Папки нет.

Ася была в машине Суханова, ждала у архива. Её не пустили внутрь не из жестокости, а потому что иногда источник надо отвести от старой крови, чтобы он не попытался смыть её руками. Надя вышла к ней сама.

Дождь почти кончился. На стекле машины остались капли, вытянутые ветром в тонкие дорожки. Ася сидела на заднем сиденье, держала телефон обеими руками и смотрела не в экран, а сквозь него.

- Нашли? - спросила она.

- Машину - да. Папку - нет.

Ася кивнула так, будто ждала именно этого.

- Значит, теперь у них моя подпись.

- Возможно, она у них и раньше была.

- Но теперь они знают, что я пыталась её убрать.

- Да.

Ася усмехнулась.

- Очень хочется спросить, хуже уже не будет.

- Не спрашивайте. Город воспримет как вызов.

На секунду уголок её рта дрогнул. Не улыбка. Привычка лица вспомнить, что так можно.

Надя села рядом, не закрывая дверь. Холодный воздух вошёл в машину, пах мокрой листвой и бензином.

- Лида была не просто именем, - сказала Надя. - Егор участвовал в деле, где мать не смогла подтвердить связь с сыном. Он подписал, что связь формально не подтверждается.

Ася молчала.

- Вы знали?

- Нет.

- Он говорил?

- Только пьяный. «Лида не прошла круг». Я думала, это его работа. У них там были свои мерзкие шутки.

- Это не шутка.

- Я уже поняла.

Паша подошёл к машине, но не сел. Остался снаружи, под мокрым деревом.

- Морозов поднял по EGOR-M3 старую цепочку. Лида Кудрявцева была первым делом, где роль Егора осталась активной после закрытия. Через неё потом проводили ещё три подтверждения. Не он лично. Роль.

Ася посмотрела на него.

- То есть его вина тоже работала после него?

Паша не сразу ответил.

- Похоже.

Она засмеялась. Тихо, безумно устало.

- Удобно. Человек уже не нужен, а вина ещё пригодна.

Суханов вышел из архива последним. В руках у него был тонкий конверт. Он бросил его Наде на колени через открытую дверь.

- Антонина Юрьевна вспомнила. Снегирёва запрашивала Кудрявцеву три дня назад. Неофициально. Просила поднять «старый узел с Мальцевым». Ей отказали. Она всё равно оставила копию запроса. Умная баба.

Надя открыла конверт.

Внутри была копия служебной записки Тамары Львовны:

«Прошу предоставить сведения по случаю Кудрявцевой Л. Н. в связи с пересмотром участия Мальцева Е. С. в группе внешнего подтверждения. Имеются основания полагать, что роль Мальцева Е. С. использовалась после фактического выбытия сотрудника из контура».

Ниже ручкой было дописано:

«Если откажут - искать через В.»

Паша нахмурился.

- Волкова?

- Или Верификация. Или Воронова. Или чёртову Вселенную, - сказал Суханов. - Но я бы на добрую Елену Аркадьевну поставил.

Телефон Нади зазвонил.

Номер был неизвестен. Она включила громкую.

- Надежда Александровна, - сказала Волкова. Голос мягкий, ровный, будто она звонила уточнить время приёма. - Я надеялась, что вы сначала свяжетесь со мной, а не будете тревожить районный архив.

Суханов тихо сказал губами: «Сука».

Волкова продолжила:

- Вы нашли Лидию Николаевну. Это ожидаемо.

- У вас всё ожидаемо?

- Нет. Люди иногда всё портят. Но направления их страха, как правило, повторяются.

Надя посмотрела на Асю. Та сидела очень прямо.

- Егор подписал против неё, - сказала Надя.

- Егор Сергеевич исполнял обязанности внешнего подтверждающего. В рамках доступных ему сведений.

- Он лишил мать сына.

- Нет. Он подтвердил отсутствие устойчивой связи. Это разные утверждения.

Вот оно. Чистая, мягкая, безупречная щель, в которую можно было провалить человека.

- Вы не хуже меня понимаете, - сказала Волкова, - что связь и родство не одно и то же. Родство бывает опасным. Близкие люди часто вредят сильнее чужих.

Ася резко подняла голову.

Волкова не слышала её дыхания или делала вид, что не слышит.

- Лидия Николаевна была нестабильна, - продолжила она. - Её сын нуждался в защите. Егор Сергеевич тогда сделал тяжёлую, но ответственную работу. Иногда подтвердить неприятный факт - единственный способ не допустить большего вреда.

Паша снаружи машины сжал челюсть.

Надя спросила:

- А теперь вы делаете с ним то же самое?

- Я пытаюсь не допустить, чтобы эмоционально вовлечённые люди разрушили возможность его восстановления.

- Вы хотите восстановить Егора?
Пауза была короткой. Но она была.

- Я хочу, чтобы был восстановлен достоверный субъект.
Ася тихо сказала:
- Не человек.
Волкова услышала.
- Анна Сергеевна рядом?
Ася взяла телефон у Нади. Рука не дрожала.
- Да.
- Мне жаль, что вы оказались в таком положении.
- Не надо.
- Я не ваш враг.
- Вы хуже.
- Почему?
- Враг хотя бы хочет вреда. А вы хотите порядка.
Волкова помолчала.
- Порядок часто спасает тех, кого любовь разрушает.
Ася вернула телефон Наде.
Надя сказала:
- Тогда приходите и подтвердите это под протокол.
- В своё время.
- Сейчас тоже время.
- Нет, Надежда Александровна. Сейчас вы только начали понимать, что Егор не случайно просил мать не подтверждать его. Сначала спросите его, от кого он тогда спасал Асю.
Связь оборвалась.
Не драматично. Просто пропал звук, потом экран показал «вызов завершён».
Ася смотрела на телефон, как на открытую дверь.
Суханов закрыл конверт.
- Ну что. Поехали к Егору.
Надя кивнула.
На зелёной карте-пропуске, лежавшей в её сумке, слово «ЛИДА» вдруг стало тяжелее пластика.

Глава 13. От кого

В больнице за вечер успели вымыть коридор, и от этого он стал выглядеть хуже.

Мокрый линолеум отражал лампы длинными жёлтыми полосами. У поста стояла тележка с пустыми стаканчиками и стопкой одноразовых пелёнок. В воздухе держался запах хлорки, аптечного пластика и остывшей гречки из контейнера, который кто-то забыл на подоконнике. Громов, лечащий врач Егора, сидел за столом с таким лицом, будто за последние сутки к нему пришли все формы государства и каждая попросила подтвердить, что она важнее живого пациента.

- Он спал? - спросила Надя.

- Дремал. Потом проснулся и потребовал не пускать к нему людей с мягкими голосами.

Суханов хмыкнул.

- Умнеет.

- Я бы не сказал, что это ум, - Громов потер переносицу. - Это защитная реакция. Он путает даты, иногда имена. Но когда речь заходит о вашей Волковой, становится очень точным. Слишком точным для человека, который якобы просто бредит.

Ася стояла чуть позади Нади. После архива она почти не говорила. Держала сумку двумя руками перед собой, как щит. В сумке лежала зелёная карта-пропуск с именем ЛИДА, и это маленькое пластиковое слово вытягивало из неё силы сильнее, чем мокрое пальто и бессонная ночь.

- Он знает, что мы нашли Кудрявцеву? - спросила Надя.

- Я не говорил. Но он спросил, вернулась ли зелёная карта.

Ася подняла голову.

- Какая?

Громов посмотрел на неё осторожно.

- Просто спросил. Дословно: «Она у них? Зелёная? Лида?» Потом сказал, что если карта вернулась, значит, круг начал жевать себя за хвост.

Суханов тихо выругался.

- Красиво, сука, живут. Даже бред у них с терминологией.

Паша шёл молча. Он не прятал телефон, но держал его экраном к ладони. С утра пришло ещё одно уведомление от Волковой, и Надя видела, как он прочитал только заголовок, не открывая тело письма. Это тоже было ответом. Ненадёжным, человеческим, неучтённым.

Палата Егора была в конце коридора. На двери висела табличка без фамилии: «Пациент 4». Кто-то ручкой приписал маленькую четвёрку ещё раз, ниже, будто не доверял напечатанной.

Егор лежал полубоком, поджав левую руку к груди. Лицо за сутки стало суше. Синяк у скулы потемнел, губы потрескались. На тумбочке стоял пластиковый стакан с водой, рядом лежал влажный салфеточный комок. Взгляд Егора сразу нашёл Асю, потом Надю, потом сумку.

- Не открывай, - сказал он.

Ася застыла.

- Что?

- Сумку. Они любят, когда люди достают предметы как доказательства. Сначала предмет, потом память, потом подпись. Не открывай.

- Егор, - тихо сказала Ася.

Он закрыл глаза.

- Ты опять сказала моё имя так, будто оно твоё.

Ася шагнула к кровати, но Надя слегка подняла руку. Не остановила, только дала границу. Ася остановилась сама.

- Мы были у Кудрявцевой, - сказала Надя.

Егор открыл глаза.

- У Лиды?

- Она умерла два года назад.

- Нет.

Громов у двери напрягся.

Егор повернул голову к окну. За стеклом мокрый больничный двор темнел между корпусами. Внизу кто-то тащил жёлтый мешок с бельём, мешок цеплялся за порог и оставлял на плитке влажный след.

- Лида умерла, - сказал Егор. - Кудрявцева нет.

- Дмитрий? - уточнил Паша.

Егор посмотрел на него впервые.

- Следовательно.

- Бывает.

- Не бывает. Следовательно всегда приходит позже формы.

Суханов усмехнулся.

- Этот иногда раньше, когда голова работает.

- Значит, берегите, - сказал Егор и снова перевёл взгляд на Надю. - Лида не умерла в той бумаге. Её умерли. Диму оставили живым, но без неё. Потом он стал пригодным. Когда мать убирают из круга, человек становится легче. Его проще переносить.

Ася сжала ремень сумки так, что пальцы побелели.

- Ты подписал это, - сказала она.

Егор смотрел на неё долго. Не как виноватый, не как больной. Как человек, который знал вопрос раньше и всё равно не нашёл для него ответа, пригодного для живых.

- Да.

Громов тихо придвинул стул, но сам не сел.

- Я подписал не её, - сказал Егор. - Формулировку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.